

ПОСЛЕ ПРИЁМА

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

После приёма

<https://litres.ru/74652517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Школьный психолог Инна Бережная узнаёт на закрытом приёме тайну, которую пятнадцатилетний Миша хранил шесть лет. Он утверждает, что видел за рулём виновника смертельной аварии человека из семьи, от которой зависит весь посёлок. Теперь тот же взрослый возит Мишу на тренировки и напоминает: работа его тёти тоже держится на благосклонности семьи.

Инна обязана защитить подростка — и не имеет права превратить его признание в удобное доказательство. Директор школы уже знает слова, сказанные за закрытой дверью, район проверяет саму Инну, а её прежние недостоверные отчёты делают любую защиту уязвимой. Каждый шаг к правде грозит ей работой, служебной квартирой и устроенной жизнью отца после инсульта.

Чтобы остановить давление, Инне придётся отделить факты от веры, признать собственную вину и добиться проверки, которая не потребует от ребёнка снова платить за молчание взрослых.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последний урок	6
Глава 2. Граница тайны	22
Глава 3. Звонок директора	36
Глава 4. Служебная квартира	51
Глава 5. Общий отчёт	71
Глава 6. Маршрут шесть лет назад	91
Глава 7. Тренировка в субботу	109
Глава 8. Минимум сведений	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Даниил Орлов

После приёма

От автора

Есть разговоры, после которых дверь кабинета открывается в тот же коридор, но человек выходит уже в другой мир. Он доверил кому-то слова, способные изменить отношения, работу и чужую версию прошлого. Тому, кто услышал, тоже придётся выбирать: хранить тайну, действовать или попытаться сделать и то и другое, не присвоив себе право решать за собеседника.

Эта история не о психологе, который по одной фразе безошибочно раскрывает преступление. Профессиональная помощь начинается не с догадки и не с красивого обещания полной тайны. Она начинается с честного объяснения границ, проверки нынешней опасности и уважения к праву человека не становиться доказательством в чужой борьбе.

В маленьком посёлке трудно отделить школу от работодателя, помощь от благодарности, а семейное влияние от обычной зависимости людей друг от друга. Поэтому особенно важно различать то, что известно, то, что лишь возможно, и то, что удобно считать правдой.

После приёма остаются записи, решения и последствия.

Но голос человека, который пришёл за помощью, всё равно принадлежит ему.

Глава 1. Последний урок

Когда на экране перевернулась белая машина, Миша Лапин уронил стул.

Стул ударился спинкой о край сцены, отскочил и лёг между первым рядом и учительским столом. В актовом зале разом сделалось тише, хотя фильм продолжался: за кадром ровный мужской голос объяснял, что ремень безопасности удерживает тело при столкновении, а на замершем изображении по асфальту катился оторванный колпак. Потом кто-то из восьмиклассников хихикнул. Смех подхватили ещё двое, неуверенно, больше от облегчения, чем от веселья.

Инна Бережная сидела у боковой стены и видела Мишу в профиль. Он не наклонился поднять стул. Он стоял, прижав правую руку к животу, и смотрел не на экран, а на закрытые двери зала. Лицо у него было серым, губы раскрыты, словно он только что нырнул и никак не мог выбраться к воздуху.

— Лапин, ты куда? — окликнула классная руководительница.

Миша рванулся к выходу. Не побежал — в школьном зале взрослые особенно хорошо замечали бегущих, — но пошёл так быстро, что плечом задел колонку. Провод натянулся. Инна успела прижать стойку ладонью.

— Я провожу, — сказала она учительнице.

На экране заговорил инспектор в светоотражающем жи-

лете. Классная руководительница поморщилась, глядя на лежащий стул, но кивнула. Фильм школе подарил фонд Устиновых вместе с новым проектором, и показ следовало довести до конца: три восьмых класса, два девярых, фотографии для отчёта, беседа о безопасном поведении на зимней дороге. В Речном Бору даже чужая забота приходила с расписанием.

За дверью Миши уже не было. Коридор второго этажа тянулся до кабинета физики, пустой и блестящий после влажной уборки. Из актового зала сквозь обитую дерматином дверь доносился голос инспектора. Инна услышала быстрые шаги на лестнице и пошла туда.

На площадке между этажами было холодно. Старую раму заклеили бумажной лентой, но из-под подоконника тянуло. Миша стоял лицом к окну, обеими руками вцепившись в батарею. За стеклом падал мелкий снег. На другом берегу речки горели трубы комбината, и дым не поднимался, а ложился над крышами длинной бурой полосой.

— Миша.

Он не обернулся.

— Не подходите.

Инна остановилась у верхней ступени. Между ними осталось шагов пять. Этого хватало, чтобы не теснить его, и не хватало, чтобы говорить громко.

— Хорошо. Я здесь постою.

— Мне нормально.

— Вижу, что тебе сейчас трудно дышать.

— Нормально мне.

Он втянул воздух ртом, коротко и шумно. Пальцы на батарее побелели. Инна посмотрела на часы над лестницей. До звонка оставалось одиннадцать минут. Скоро двери кабинетов откроются и площадку зальёт детьми. Просить Мишу идти в кабинет сейчас означало добавить ему ещё одно требование. Оставлять на лестнице тоже было нельзя.

— Я не буду спрашивать, что случилось, — сказала она.

— Давай сначала сделаем так, чтобы ты не упал. Можешь сесть на ступеньку или прислониться к стене.

— Я не упаду.

— Тогда обопрись спиной. Батарея горячая, ладони потом будут болеть.

Это он услышал. Отнял руки, посмотрел на красные полосы поперёк ладоней и медленно отступил к стене. На его тёмной толстовке белела нитка мела. Видимо, осталась после последнего урока у доски.

Инна не стала предлагать считать вдохи. Когда человеку не хватает воздуха, просьба следить за дыханием иногда звучит как ещё одно доказательство, что он не справляется. Она показала на подоконник.

— Назови про себя три вещи, которые видишь за окном. Можно не говорить мне.

Миша моргнул. Его взгляд дёрнулся к трубам, к школьному стадиону, к жёлтому автобусу у ворот.

— Теперь две вещи здесь.

Он посмотрел на огнетушитель и на стенд с планом эвакуации. Плечи чуть опустились.

— Одну вещь, которую слышишь.

Внизу хлопнула дверь. Потом в трубе за стеной прошла вода с низким гулом.

— Всё, — сказал Миша.

— Всё.

Он провёл рукавом по лбу. Волосы прилипли к коже, хотя на площадке было холодно.

— Меня обратно не ведите.

— Не поведу. До звонка можешь посидеть у меня. Потом решим, куда дальше.

— А если я не хочу говорить?

— Можешь не говорить.

Инна первой спустилась на одну ступень, чтобы оставить ему выбор: идти следом или остаться. Миша постоял, слушая приглушённый фильм, и двинулся за ней.

Кабинет психолога находился в конце первого этажа, между медицинским архивом и комнатой, где хранили старые карты и стенды. На двери висела табличка, напечатанная секретарём: «Педагог-психолог И. С. Бережная». Нижний угол отставал, и Инна каждое утро приглаживала его пальцем, хотя к обеду пластик снова выгибался.

Она отперла кабинет. Миша остановился на пороге.

— Здесь кто-нибудь есть?

— Нет.

— А камера?

— В кабинете камер нет. В коридоре есть, над пожарным шкафом.

Он оглянулся. Чёрный полукруг камеры действительно смотрел вдоль коридора, не захватывая внутренность комнаты. Инна включила только настольную лампу. Верхний свет был резкий, больничный. Под лампой лежали две стопки чистой бумаги, песочные часы и деревянная машина без одного колеса. Машину три года назад оставил первоклассник, и Инна так и не решила, считать ли её забытой вещью или подарком.

Миша сел не в мягкое кресло, а на обычный стул возле двери. Рюкзак оставил на коленях и обнял обеими руками.

— Воды?

Он качнул головой.

Инна налила себе из графина, чтобы предложение не осталось проверкой. Вода пахла железом. Она села за край стола, не загораживая выход.

За стеной загудел старый холодильник медицинского кабинета. Сверху, из актового зала, снова донёлся голос, но слов было не разобрать. Миша смотрел на деревянную машину.

— Это специально? — спросил он.

— Что?

— Машинка.

Инна перевела взгляд на игрушку.

— Нет. Её оставили давно. Если мешает, уберу.

Она взяла машину и положила в ящик. Миша проследил за её рукой. На костяшке большого пальца у него темнела свежая ссадина.

— Фильм тоже специально поставили?

— Сегодня неделя безопасности. Все классы смотрят один и тот же фильм.

— Устинов дал?

— Проектор купил фонд Устиновых. Откуда сам фильм, я не знаю.

— Они всё дают.

Это прозвучало без благодарности и без насмешки. Как «зимой темнеет рано».

Инна отпила воды. В посёлке трудно было найти вещь, к которой не имели отношения Устиновы. Комбинат менял окна в школе, возил пенсионеров в районную больницу, оплачивал форму лыжной секции и дизель для школьных автобусов. Если в амбулатории ломался стерилизатор, Ольга Устинова звонила поставщику быстрее районного управления. Если семья устраивала праздник, на площади ставили сцену и бесплатные палатки. Люди произносили «они дали» чаще, чем называли точную фамилию.

— Ты спросил про фильм, потому что испугался неожиданности? — сказала Инна.

Миша пожал плечами.

Звонок ударил резко, прямо над дверью. Миша вздрогнул и стиснул рюкзак. Коридор наполнился голосами, топотом, скрипом обуви. Кто-то дёрнул ручку кабинета.

— Инна Сергеевна, вы там? — крикнула девочка.

— Занята. Подойди завтра на большой перемене.

Шаги удалились. Миша посмотрел на дверь.

— Она видела, что я тут.

— Камера видела, что ты вошёл. Одноклассники видели, что мы ушли из зала. Я не стану рассказывать им наш разговор.

— А Тамаре Николаевне?

Инна не ответила сразу. Пятнадцатилетние особенно хорошо слышат паузы перед удобной ложью.

— Сначала я объясню тебе границы, — сказала она. — Обычно содержание разговора остаётся здесь. Но если я пойму, что тебе или кому-то ещё прямо сейчас грозит серьёзная опасность, мне придётся позвать тех, кто может защитить. Я постараюсь заранее сказать тебе, что именно передам и зачем. Обещать, что ни при каких обстоятельствах никому ничего не скажу, я не могу.

— Значит, скажете.

— Я пока не знаю, о чём ты хочешь говорить.

— А если о прошлом?

— Прошрое тоже может быть связано с тем, что происходит сейчас. Но я не побегу пересказывать директору каждое твоё слово.

По коридору прошла Тамара Николаевна Устинова. Инна узнала её шаги: каблуки стучали неторопливо, с короткой остановкой возле каждой открытой двери. Директор здоровалась с классами, спрашивала, закрыты ли окна, поднимала с пола фантики. Шаги приблизились к кабинету, но не остановились. Миша проводил их взглядом, будто мог видеть через стену.

— Я не буду, — сказал он.

— Хорошо.

— Вы даже не спросите?

— Ты пришёл сюда не по записи. Я могу спросить, нужна ли тебе сейчас помощь. На содержание разговора ты имеешь право не соглашаться.

Он насупился, словно это тоже оказалось неправильным ответом. Потом расстегнул рюкзак и начал искать что-то внутри. Вытащил учебник алгебры, смятую шапку, пластиковый пенал. На дне лежала светоотражающая подвеска в виде жёлтой ладони — такие утром раздавали в фойе от имени фонда. Миша взял её двумя пальцами и бросил на стол.

— Всем раздали. Чтобы нас машинами не давили.

Инна ничего не сказала.

— Он тогда тоже всем помогал, — продолжил Миша. — После аварии. Автобус новый школе купил. Памятник водителю оплатил. Маме водителя деньги дал.

— Кто — он?

Миша посмотрел на неё исподлобья.

— Устинов.

— Егор Устинов?

Он кивнул. Это имя знали все. Егор был младшим братом директора, начальником хозяйственного отдела комбината и руководителем бесплатного лыжного клуба. На фотографиях он всегда стоял рядом с детьми, присев, чтобы быть одного с ними роста. Инна встречала его в школе несколько раз: высокий, спокойный мужчина с обветренным лицом, умеющий помнить имена чужих родителей.

— О какой аварии ты говоришь?

Миша сгрёб вещи обратно в рюкзак. Пенал зацепился за молнию, карандаши высыпались на пол. Он нагнулся слишком быстро, ударился виском о край стола и выругался шёпотом.

Инна не бросилась помогать. Подняла только карандаш, укатившийся к её ноге, и положила рядом с собой.

— На лесной дороге, — сказал Миша, собирая остальные.
— Шесть лет назад. Когда погиб Виктор Палыч.

Инна помнила аварию. Тогда она ещё работала в районном центре и приезжала в Речной Бор раз в неделю. Школьный автобус нашли у старого переезда, носом в кювете. Водителя Виктора Зорина сперва отвезли живым, но до районной больницы не довезли. По официальной версии, он вечером взял служебную машину без разрешения, не справился на льду и ударил легковую машину, которая съехала с дороги. В посёлке две недели спорили, зачем трезвому человеку

понадобился автобус после смены. Потом фонд купил школе новый, у вдовы появился отремонтированный дом, а разговоры сделались тише.

— Ты видел аварию? — спросила Инна.

Миша сел прямо. Теперь он дышал ровно, но лицо оставалось бледным.

— Я был там.

— Где именно?

— В машине.

В коридоре засмеялись. Кто-то пробежал, шлёпая мокрыми подошвами. Инна почувствовала, как её пальцы сильнее сжали стакан, и поставила его на стол.

— В автобусе?

— Нет.

— В легковой машине?

Миша кивнул.

— Кто был за рулём?

Он молчал так долго, что холодильник за стеной успел выключиться. Тишина после его гула показалась отдельным звуком.

— Егор, — сказал Миша. — Егор Устинов.

Инна удержалась от следующего вопроса. Перед ней сидел не свидетель на допросе. Он пришёл после фильма, не собирався рассказывать и мог путать время, место, лица — особенно если ему тогда было девять. Память не видеозапись; она меняется, достраивает пропуски, иногда бережёт чело-

века, иногда обманывает. Но паника была нынешней. И вопрос про директора тоже был нынешним.

— Ты сказал, что был в его машине. Как ты туда попал?

Миша потёр ссадину на руке.

— После тренировки. Он подвозил.

— Кого ещё?

— Никого.

— Ты был пристёгнут?

— Сзади. Да. Кажется.

Он закрыл глаза. Инна увидела, как под веками двигаются зрачки.

— Не заставляй себя вспоминать сейчас, — сказала она.

— Посмотри на меня.

Миша открыл глаза.

— Я помню.

— Я тебе верю, что ты помнишь это именно так. Но сейчас мне важно другое: тебе кто-нибудь угрожает из-за того, что ты видел или помнишь?

— Не угрожает.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Тебя заставляют куда-то ездить? Встречаться с кем-то? Говорить определённые вещи?

Он сунул карандаши в пенал, не закрывая его.

— Я сам хожу на тренировки.

— К Егору Устинову?

— У нас другого тренера нет.

— Ты хочешь туда ходить?

— Какая разница?

— Для меня есть.

— Для вас всё имеет разницу, пока бумагу не подписали.

Он попал точнее, чем мог знать. В прошлом мае Инна подписала общий отчёт по девятому классу, поставив галочки напротив фамилий детей, которых видела только на групповом занятии. «Признаков неблагополучия не выявлено». На личную беседу не хватило двух недель перед отпуском, а директору требовался закрытый отчёт. Миша тогда учился в восьмом и тоже стоял в списке. Инна сказала себе, что обязательно поговорит с теми, кто вызывал сомнения, в сентябре. Сентябрь прошёл.

— Иногда взрослые подписывают бумаги, не сделав достаточно, — сказала она. — Это не делает твой ответ неважным.

Миша впервые посмотрел прямо на неё.

— Вы про себя?

— В том числе.

Он будто хотел спросить ещё, но в этот момент на столе завибрировал его телефон. Миша взглянул на экран и перевернул аппарат. Инна успела увидеть только имя: «Егор Андреевич».

Телефон затих. Через несколько секунд пришло сообщение. Миша не открыл его.

— Он знает, где ты сейчас? — спросила Инна.

— Я должен после школы быть у базы.

— Сегодня тренировка?

— Подготовка. В субботу районные старты.

— Ты сказал ему, что задержишься?

— Он сам всё знает.

— Что значит «всё»?

Миша резко встал. Стул проехал по линолеуму.

— Ничего. Я пойду.

— Подожди. Я не буду удерживать тебя. Мне нужно понять только одно: безопасно ли тебе сейчас идти на эту базу.

— Да.

— Ты боишься Егора?

— Нет.

— Ты хочешь ехать с ним в машине?

На этот вопрос Миша не ответил. Он закинул рюкзак на плечо и потянулся к ручке двери.

— Миша, если ты сейчас уйдёшь, я не стану бежать за тобой по школе. Но после того, что ты сказал, я не могу просто забыть разговор. Мне надо будет проверить, есть ли у тебя нынешняя опасность. Я не говорю, что перескажу историю аварии. Я говорю, что хочу убедиться: взрослый не заставляет тебя садиться к нему в машину и молчать под угрозой.

Рука Миши осталась на ручке.

— А если заставляет?

— Тогда мы будем искать способ прекратить это с минимальным числом людей, которым нужно знать. Не в одиноч-

ку и не за твоей спиной.

— «Мы» — это кто?

— Пока ты и я. Если понадобится ещё кто-то, я сначала объясню тебе кто и зачем.

— Вы не сможете.

— Что именно?

— Сначала объяснить.

Он открыл дверь. Коридор уже опустел: начался следующий урок. У пожарного шкафа горел красный огонёк камеры.

— Миша.

Он обернулся.

— Сегодня ты можешь не ехать с ним. Я могу позвонить твоей тётке и сказать, что после плохого самочувствия тебе нужно домой. Без деталей.

— Тётя на смене.

— Тогда попрошу школьный автобус довезти тебя до остановки у амбулатории.

— Автобус Устиновых.

— Школьный. За рулём Николай Степанович. Маршрут записан в журнале.

Миша посмотрел на камеру, потом снова на Инну.

— Я пешком.

— До дома сорок минут, и темнеет через час.

— Я не домой.

— Куда?

Он прикусил губу. Телефон снова завибрировал в кармане.

— Мне всё равно надо на базу. Если не приду, будет хуже.

— Кому хуже?

Миша шагнул в коридор.

— Тёте.

Дверь он не хлопнул. Аккуратно придержал, чтобы язычок замка не щёлкнул, и пошёл к лестнице. Инна вышла следом только до порога. Остановить его силой она не имела права. Позвать директора — значит передать управление человеку, которого Миша боялся узнать участником разговора. Позвонить тёте можно, но сначала надо было понять, не поставит ли этот звонок мальчика под ещё большее давление.

Он прошёл под камерой и исчез за поворотом.

Инна вернулась в кабинет, закрыла дверь и села. На столе лежала жёлтая светоотражающая ладонь. Рядом — карандаш, который она подняла с пола. Миша забыл его, хотя собрал остальные.

Она достала журнал приёмов. В графе времени написала: «15:18». В графе причины обращения остановилась. «Острая реакция после учебного фильма» было правдой, но не всей. «Сообщение о давней аварии» превращало чужую тайну в строчку, которую могли потребовать секретарь, директор, комиссия. Оставить пустое место означало сделать вид, что разговора не было.

Инна написала: «Паническая реакция. Требуется оценка актуальной безопасности». Ни имени Егора, ни старой аварии.

Под записью поставила подпись и закрыла журнал.

Телефон на столе зазвонил почти сразу. На экране выветилось: «Тамара Николаевна».

Инна посмотрела на дверь. От кабинета директора до неё было меньше минуты неспешным шагом. Миша ушёл пять минут назад.

Она ответила.

— Да, Тамара Николаевна.

— Инна Сергеевна, — голос директора был мягким, почти домашним. — Зайдите ко мне после урока. И принесите журнал.

— Какой именно?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Тот, в котором вы записали фантазию Лапина про машину.

Глава 2. Граница тайны

До лыжной базы Инна дошла за двадцать две минуты.

Она не собиралась искать Мишу и тем более входить на территорию. После звонка директора у неё оставался последний урок с шестиклассниками, потом совещание, на котором Тамара Николаевна без единого слова о Лапине распределяла дежурства на новогоднем вечере. Журнал лежал в закрытом ящике стола. Инна не принесла его, а директор не повторила просьбу при остальных. Они обменялись двумя взглядами через длинный стол, и этого хватило, чтобы совещание стало продолжением телефонного разговора.

В половине шестого Инна вышла из школы. Дом был направо, база — налево. Она позвонила отцу, сказала, что задержится на сорок минут, и пошла налево.

Уже темнело. Снег под ногами скрипел сухо, будто в него подмешали песок. За школьным стадионом начинались частные дома, потом дорога расходилась: одна ветка вела к комбинату, другая — к старому лесному переезду. Лыжная база стояла между ними. Низкое деревянное здание, два фонаря, забор из металлической сетки. На воротах висел синий щит с белой елью и надписью: «Спортивный клуб “Север”. При поддержке фонда семьи Устиновых».

Инна остановилась у автобусной остановки напротив. Из ворот выезжал серый внедорожник. За рулём сидел Егор

Устинов. На пассажирском месте никого не было, а задние стёкла были затемнены. Машина притормозила перед дорогой. Инне показалось, что Егор посмотрел прямо на неё, но свет фонаря отражался в лобовом стекле, и лица она почти не видела.

Внедорожник повернул к посёлку.

Через минуту из калитки вышли трое подростков с лыжами. Миши среди них не было. Инна спросила у девочки в красной шапке, закончилась ли подготовка.

— Сегодня не тренировка, — ответила та. — Толькокрепления проверяли.

— Миша Лапин был?

Девочка пожала плечами. Парень рядом с ней сказал:

— Был. Егор Андреевич его домой повёз.

Инна почувствовала, как холод пробрался под воротник.

— Давно?

— Только что. А что?

— Ничего. Спасибо.

Она отошла к остановке и набрала Мишин номер из школьной карточки. Абонент оказался недоступен. Позвонить Ольге Лапиной было разумно, но Инна помнила его слова: если не приду, будет хуже тёте. Не зная, в чём заключалась угроза, она могла одним звонком открыть разговор тому самому взрослому, от которого Миша пытался защитить тётю.

Инна записала время в телефон: 17:36, серый внедорож-

ник выехал с базы; со слов двух подростков, Егор повёз Мишу домой. Потом пошла обратно, повторяя себе, что видела только машину и слышала только чужие слова. Не Мишу на заднем сиденье. Не угрозу. Не преступление.

У школы ей снова позвонил отец.

— Ты заблудилась? — спросил Сергей.

После инсульта он произносил некоторые слова медленно, будто доставал их из тесного ящика. «Заблудилась» прозвучало по слогам, но насмешка осталась прежней.

— Уже иду.

— Хлеб купи. Наш твёрдый, как директорский лоб.

— Папа.

— Я фамилию не назвал.

Инна улыбнулась против воли. Потом увидела в окне первого этажа движение. В её кабинете горел верхний свет.

Она точно выключила лампу. Ключ был в кармане пальто, второй хранился у завхоза, запасной — в директорском сейфе. Инна поднялась на крыльцо, приложила пропуск и вошла.

Вахтёрша Валентина Петровна вязала за стойкой серый носок.

— Кто в моём кабинете?

— Тамара Николаевна заходила. Сказала, вы журнал забыли для отчётности.

— Она сейчас там?

— Уже ушла. Минут десять как.

Инна прошла по пустому коридору. Дверь кабинета была закрыта, замок не повреждён. Внутри пахло пылью от верхнего светильника. На столе всё стояло как прежде, только жёлтая подвеска исчезла. Возможно, Миша забрал её, когда уходил. Инна не помнила.

Она открыла ящик. Журнал лежал на месте. Закладка, тонкая зелёная лента, была вытянута наружу и зажата крышкой. Инна оставляла её между страницами текущей недели.

Теперь лента лежала на записи о Мише.

Инна закрыла журнал, сфотографировала стол и ящик, хотя фотография ничего не доказывала. Затем написала на листе дату, время и слова вахтёрши. Лист сложила вчетверо и положила в сумку, не в кабинетный шкаф.

Миша позвонил в 20:14.

Инна сидела на кухне и резала отцу яблоко тонкими дольками. Телефон лежал экраном вниз, и от вибрации пополз по клеёнке. Она увидела номер и вышла в коридор.

— Ты дома? — спросила она вместо приветствия.

— Да.

На фоне работал телевизор. Кто-то говорил о погоде в районе.

— Один?

— Тётя пришла.

— Ты можешь говорить свободно?

— Нет.

— Тогда отвечай только «да» или «нет». Ты доехал с Его-

ром Андреевичем?

Тишина.

— Да.

— Он угрожал тебе в машине?

— Нет.

— Он говорил о нашем разговоре?

Миша снова замолчал. Потом очень тихо сказал:

— Завтра до уроков. У вас.

Связь оборвалась.

В семь сорок утра Инна уже была в школе. Она проверила решётку вентиляции над шкафом, дверь в медицинский архив и камеру в коридоре, хотя не знала, что надеялась найти. Снег за ночь залепил нижние окна. Дворник толкал широкую лопату вдоль крыльца, и её скрежет проходил по стенам.

Инна достала из стола журнал, переложила в сумку и оставила ящик открытым. Если директор снова придёт за ним, пусть увидит пустое место. Служебные записи должны храниться в школе, но до выяснения, кто читает их без предупреждения, оставлять журнал было опаснее, чем временно забрать.

Миша появился без пяти восемь. Вошёл быстро и сам закрыл дверь.

— Запирать не будем, — сказала Инна. — Но повешу табличку, чтобы не входили.

Она поставила снаружи «Идёт консультация» и вернулась. Миша был в той же толстовке. Под глазами залегли тени, во-

лосы ещё блестели от растаявшего снега.

— Он сказал, вы уже всё рассказали.

— Кому?

— Тамаре. Что я придумал про машину.

— Я ничего ей не рассказывала.

— Она сама вам звонила.

— Да. И произнесла почти те же слова: «фантазия Лапина про машину». Я не подтвердила, что ты говорил о машине. Не назвала Егора. Не отдала ей журнал.

Миша недоверчиво смотрел на сумку у её стула.

— А где журнал?

— Со мной. Вчера директор заходила сюда без меня и открывала ящик. Я не могу доказать, что она читала запись, но журнал оставлять там не стала.

— Там написано?

— Только «паническая реакция» и «нужна оценка актуальной безопасности». Никаких слов про аварию.

— Тогда откуда она знает?

— Не знаю. И не стану придумывать ответ. Могли услышать часть разговора. Могли увидеть тебя у кабинета и догадаться о связи с фильмом. Могли прочитать сообщение у тебя в телефоне. Ты кому-нибудь писал?

— Нет.

— Егор видел твой телефон?

— Нет.

— Он спрашивал, что было у меня?

Миша опустил взгляд.

— Сначала про фильм. Потом сказал, что у меня опять началось. Что я иногда соединяю вещи неправильно.

— «Опять» — это о чём?

— Неважно.

— Хорошо. Пока не будем. Что происходило в машине вчера?

— Вы обещали про границы.

Инна придвинула стул, но не ближе к нему, а так, чтобы между ними не было стола.

— Обещала. Давай подробно. То, что ты рассказываешь мне как психологу, я не передаю учителям, одноклассникам и директору просто потому, что они спрашивают. Но полная тайна заканчивается там, где есть серьёзная опасность для тебя или другого человека. Если взрослый заставляет тебя ездить с ним, угрожает, бьёт, запирает, склоняет к тому, чего ты не хочешь, я должна искать помощь. Это не значит, что я обязана пересказать всю твою историю.

— А кому скажете?

— Зависит от опасности. Твоему законному представителю, если это безопасно. Службе, которая защищает детей. Полиции, если есть немедленная угроза. Иногда врачу. Я должна сообщить только то, без чего они не смогут действовать.

— Они потом всё равно всем скажут.

— Я не могу честно пообещать, что каждый взрослый со-

хранит сведения так, как должен. Могу обещать другое: я сама не добавлю лишнего и зафиксирую, кому что передала.

— И про аварию?

— Если нынешнюю угрозу можно остановить без твоего рассказа об аварии, я не стану использовать его как главный довод. Старое происшествие требует отдельной проверки. Ты не обязан повторять всё каждому, кто захочет услышать.

Миша подошёл к окну. На стекле над батареей оттаял полукруг. Во дворе младшие школьники строились перед входом, родители поправляли им шарфы.

— Егор сказал, что вы меня раскрутите. Так и сказал. Что психологам надо раскрутить историю, чтобы оправдать зарплату.

— Он знал, что ты говорил со мной в кабинете?

— Знал.

— Откуда?

— Сказал, вся школа видела, как я устроил представление.

— Про машину он говорил первым?

Миша кивнул.

— Какими словами?

— «Опять твоя машина». Потом сказал, что я был маленький и сидел сзади, а сзади ничего не видно.

Инна почувствовала холод, хотя батарея рядом с Мишей была горячей. Это уже не походило на догадку после пани-

ки в актовом зале. Но она заставила себя разделить факты. Миша сообщает, что Егор произнёс фразу. Записи разговора нет. Свидетелей нет. Само содержание ещё не доказывает аварию, но показывает: взрослый знает о воспоминании ребёнка и обсуждает его с ним наедине.

— Он сказал, что будет, если ты расскажешь ещё кому-то?

— Ничего.

— Миша.

— Он не угрожал.

— Я слышу. Что он сказал про тётю?

Миша резко повернулся.

— Откуда вы знаете?

— Вчера перед уходом ты сказал: если не придёшь на базу, будет хуже тёте.

Он провёл ладонью по оттаявшему стеклу, оставив прозрачную полосу.

— У неё в амбулатории сокращение. Санитарку уже убрали. Тётя делает её работу и свою. Егор сказал, фонд может оплатить ещё полставки, если люди надёжные. А ненадёжным помогать нельзя.

— Он связал это с твоими словами об аварии?

— Не прямо.

— Повтори как можешь, без догадок.

— Сказал: «Ольге сейчас нужна поддержка. Ты взрослый парень и понимаешь, что старые детские страхи могут сделать человека ненадёжным в глазах тех, кто помогает». По-

том спросил, хочу ли я, чтобы тётя зимой осталась без работы.

— Когда это было?

— Неделю назад. На базе.

— Вы были одни?

— Да.

— После этого он заставлял тебя садиться в машину?

— Не тащил. Просто говорит: «Поехали». Если я откажусь, он позвонит тётё. Она спросит, почему я опять чудю. Потом сама приведёт.

— Вчера ты хотел ехать с ним?

— Нет.

— Ты сказал ему «нет»?

— А смысл?

Инна дала тишине остаться между ними. За дверью дети сдавали телефоны классной руководительнице, спорили, чей экран треснул раньше. Обычное школьное утро шло в двух метрах от разговора, который мог разрушить несколько жизней, и это было самым страшным: мир не остановился, чтобы обозначить важное.

— Что ты хочешь от меня сейчас? — спросила она.

— Чтобы он отстал.

— Это слишком общее. Давай назовём действия.

Миша сел. Несколько секунд рассматривал свои ботинки.

— Я не хочу ездить с ним. Вообще. И на тренировки не хочу.

— Хорошо.

— Но тётё нельзя говорить почему.

— Ей придётся знать, что ты прекращаешь занятия, если она твой законный представитель. Причину можно ограничить: тебе плохо рядом с тренером, ты не согласен ездить с ним один. Без рассказа об аварии.

— Она не разрешит. Лыжи бесплатные. Форма бесплатная. В район он нас бесплатно возит.

— Бесплатное занятие не становится обязательным.

— У нас становится.

Инна достала чистый лист.

— Тогда разделим задачу. Первое: сегодня ты не едешь с ним. Второе: мы находим способ прекратить личные поездки и встречи один на один. Третье: решаем, какой минимум сообщить тётё и, возможно, службе защиты. Четвёртое: история аварии остаётся отдельно, пока для безопасности не понадобится иначе. Так подходит?

— Вы напишете заявление?

— Не сейчас и не без объяснения тебе. Но если я вижу принуждение и угрозу благополучию семьи, я не могу ограничиться нашим устным планом навсегда.

— Значит, всё равно предадите.

— Для тебя это может выглядеть предательством. Я не хочу прятать это за красивыми словами. Но хранить тайну так, чтобы ты продолжал ездить к взрослому, которого боишься, тоже не помощь.

Миша сжал губы. Инна ждала, что он встанет и уйдёт. Вместо этого он протянул руку к листу.

— Дайте.

— Зачем?

— Я напишу, что хочу. Чтобы вы потом не сказали другое.

Она отдала ему лист и ручку. Миша положил бумагу на колено. Писал медленно, закрывая строку ладонью, будто рядом сидел сосед по парте. Потом перечитал и протянул Инне.

На листе было четыре предложения.

«Я не хочу ездить в машине с Егором Устиновым. Я не хочу ходить к нему на тренировку один. Не рассказывайте про аварию тёте и директору. Помогите сделать так, чтобы тётю не уволили из-за меня».

Подписи не было.

— Я сохраню это отдельно, — сказала Инна. — Подписывать не обязан. Можно сфотографировать тебе, чтобы у нас были одинаковые слова.

Миша сфотографировал лист своим телефоном.

— Сегодня после уроков куда ты пойдёшь?

— Домой.

— Один?

— С Артёмом из нашего класса. Он рядом живёт.

— Егор знает?

— Напишу, что заболел.

— Это даст один день. Завтра нужен другой способ.

— Завтра пятница. Потом старты.

— Ты не обязан ехать на старты.

Телефон Миши загорелся. Он показал экран, не отдавая аппарат. Сообщение от Егора Андреевича: «После уроков зайди к директору. Решим твою проблему спокойно».

Инна прочитала дважды.

— Ты хочешь идти?

— Нет.

— Тогда не пойдёшь один. Я письменно попрошу, чтобы любые разговоры о твоём состоянии проходили с тётей или выбранным специалистом, не с директором и тренером вдвоём.

— Тамара вас уволит.

— Это не твоя ответственность.

— Все так говорят, пока их не увольняют.

Прозвенел первый звонок. Миша убрал телефон и встал.

— Можно я потом скажу, что вы меня задержали?

— Можно сказать правду: ты был на консультации. Содержание объяснять не нужно.

Он взялся за ручку, но задержался.

— Вы вчера ходили на базу?

Инна могла спросить, откуда он знает. Вместо этого сказала:

— Да. Стояла у остановки. Внутрь не заходила. Спросила у ребят, закончилась ли подготовка. Они сказали, что Егор повёз тебя домой.

— Он вас видел.

— Возможно.

— Поэтому и сказал про психологов.

Миша вышел. Инна сняла табличку с двери и вернулась к листу. Четыре предложения были яснее любого заключения. В них не было обвинения в старой аварии. Была нынешняя просьба ребёнка не оставлять его наедине со взрослым и страх, что за отказ накажут опекуна.

Инна положила лист в прозрачный файл и убрала в сумку рядом с журналом. Потом включила компьютер и открыла форму служебной записки. В строке адресата набрала имя директора, удалила и вместо него написала: «В районную службу сопровождения несовершеннолетних».

До отправки оставалось решить, сколько слов необходимо для защиты и какое слово станет лишним.

Глава 3. Звонок директора

Инна успела написать три строки, когда внутренний телефон коротко звякнул.

— Инна Сергеевна, Тамара Николаевна просит вас подняться, — сказала секретарь. — Сейчас.

На экране оставалась незаконченная фраза: «Несовершеннолетний сообщил о нежелании оставаться наедине и перемещаться в автомобиле со взрослым руководителем секции». Инна перечитала её. Здесь не было ни аварии, ни имени Егора, ни слов Миши о тёткиной работе. Только нынешнее положение и конкретное действие, которого ребёнок боялся.

— Передайте, что буду через десять минут.

— Она сказала сейчас.

— У меня запись, которую нужно сохранить.

Секретарь помолчала, словно Инна нарушила не распорядок, а закон природы.

— Хорошо. Я передам.

Инна сохранила документ в служебной папке под нейтральным названием, распечатала черновик и выключила монитор. Лист Миши и журнал лежали в сумке. Оставлять её в кабинете не хотелось. Идти к директору с сумкой тоже означало показать, что она больше не доверяет школьным замкам. Инна надела ремень через плечо и вышла.

В коридоре начинался урок. Дежурный девятиклассник

собирал с подоконника забытые стаканчики, учительница русского языка торопливо несла пачку сочинений. Обычная суэта защищала лучше закрытой двери: при свидетелях взрослые чаще вспоминали, что у слов есть форма и последствия.

Приёмная директора была переставлена к приезду районной комиссии, хотя никакой комиссии сегодня не ждали. На низком столике лежали свежие буклеты комбината: новые окна в школе, автобус для секции, ремонт амбулатории. На каждом снимке стояли люди с одинаковыми синими шарфами. Фамилия Устиновых встречалась чаще названия посёлка.

Секретарь кивнула на дверь.

— Заходите. Егор Андреевич тоже там.

Инна остановилась.

— Меня приглашали к директору.

— Ну да. Он по секции.

— Тогда попросите Егора Андреевича выйти. Индивидуальные обращения учеников я с руководителем секции не обсуждаю.

Дверь открылась прежде, чем секретарь ответила. Егор стоял на пороге в тёмном свитере, рукава были закатаны до локтей. На правом запястье белела тонкая полоса старого шрама. Инна заметила её и сразу рассердилась на себя: теперь любое телесное повреждение казалось уликой, хотя шрамы бывают у каждого второго человека, который чинит

лыжи, колет дрова или неудачно открывает консервную банку.

— Я как раз ухожу, — сказал он. — Не беспокойтесь, ваших тайн я не спрашивал.

— Хорошо.

Он улыбнулся секретарю, забрал с вешалки куртку и прошёл мимо Инны. От него пахло морозом и машинной отдушкой. В приёмной остались мокрые следы тяжёлых ботинок.

Тамара сидела за широким столом. Перед ней лежала красная папка с гербом района, сбоку — телефон экраном вниз. На стене висела фотография первого школьного выпуска: одинаковые тёмные платья, белые фартуки, молодая Тамара в первом ряду. Её брат Егор был моложе на одиннадцать лет и на снимок не попадал.

— Закройте дверь, — сказала директор.

— Я оставлю приоткрытой.

— Почему?

— Потому что разговор касается ученика, а секунду назад здесь был взрослый, с которым он не хочет оставаться наедине. Мне важно, чтобы не возникло разных версий того, кто входил и выходил.

Тамара посмотрела на щель, за которой секретарь печатала на клавиатуре.

— Закройте дверь, Инна Сергеевна. Мы обсуждаем служебные сведения.

Инна закрыла, но не села.

— Вы вчера заходили в мой кабинет в моё отсутствие и открывали ящик с журналом?

— Начнём с того, зачем я вас вызвала.

— Это связано. Вахтёр видела, как вы входили. После вашего ухода закладка оказалась на записи о Мише Лапине.

— Вы обвиняете директора в краже документов?

— Нет. Я спрашиваю, открывали ли вы ящик.

— Журнал принадлежит школе.

— Записи психолога хранятся в школе, но доступ к ним не становится общим. Вы открывали ящик?

Тамара сняла очки и протёрла их краем серой салфетки.

— Я искала журнал посещений. У нас отчётность за четверть. Если вы храните служебные документы вперемешку, это ваша ответственность.

— Какой именно журнал вы искали?

— Не устраивайте мне допрос.

— Тогда зафиксирую ваш ответ: вы открывали ящик в поисках документа для отчётности. Содержание записей не обсуждали.

— Сядьте.

Инна села напротив. Сумку оставила на коленях.

Директор надела очки и раскрыла красную папку. Внутри оказалась распечатка из электронной системы: даты, фамилии детей, причины обращений. Возле Мишиной фамилии стояли слова «острая реакция после мероприятия».

— Вот ваша запись, — сказала Тамара. — Никаких тайн

я не читала. Вы сами оставили причину обращения в общей системе.

— Эту строку видят директор и администратор расписания. В ней нет машины.

— Опять машина, — тихо произнесла Тамара.

Инна не отвела взгляда.

— Я не называла машину сейчас. Я сказала, что в строке нет этого слова.

На лице директора ничего не изменилось. Она передвинула распечатку на два пальца, выравнивала по краю папки.

— Вчера вы спросили по телефону, откуда мне известна фантазия Лапина. Я отвечу. Полина из восьмого класса слышала, как он кричал в актовом зале. Дети повторяют всё с каждой переменной. К вечеру половина школы уже знала, будто Миша ехал в какой-то машине. Не надо превращать сплетню в заговор.

— Фамилия Полины?

— Зачем?

— Чтобы проверить источник. В актовом зале Миша сказал только «он был за рулём». Слово «машина» произносилось позже в моём кабинете.

Тамара подалась назад. Кресло тихо скрипнуло.

— Вы хотите опрашивать детей о слухах? После того что уже сделали с мальчиком?

— Что именно я сделала?

— Поддержали болезненную фантазию. Вместо того что-

бы вернуть его на урок, закрылись с ним почти на час, задавали наводящие вопросы, а вечером явились к базе. Теперь он отказывается от стартов и пишет Егору странные сообщения.

— Какие сообщения?

— Значит, не знаете.

— Я знаю одно сообщение Егора Мише: приглашение после уроков прийти сюда и «решить проблему спокойно». Миша не согласен на такую встречу.

— Вы читаете его переписку?

— Он сам показал экран.

— А потом написал тренеру, что заболел. Хотя сидит сейчас на алгебре. Это вы научили его лгать?

Инна почувствовала знакомое желание объяснить всё сразу. Сказать, что ложь была придумана до разговора с ней, что она как раз назвала её решением на один день, что бесплатная секция не даёт взрослому права вызывать ребёнка. Но каждое оправдание отдавало Тамаре ещё одну подробность приёма.

— Я не обсуждаю содержание консультации, — сказала она. — Сообщаю служебно только необходимое: Миша не согласен на личную встречу с Егором и не хочет ехать с ним в автомобиле. Любой разговор о секции должен проходить в присутствии законного представителя или независимого специалиста, выбранного с учётом безопасности ребёнка.

— Вы сейчас отстраняете тренера?

— У меня нет таких полномочий. Я сообщаю о несогласии ученика и предлагаю временную меру.

— На каком основании?

— На основании его прямой просьбы.

— Покажите просьбу.

— Нет.

— Тогда её не существует.

— Я зафиксировала обращение. Подлинник не передам вам без необходимости.

— Вы носите документы ученика в сумке? — Тамара посмотрела на ремень. — После вчерашнего самовольного визита на базу?

— Я стояла на общественной остановке и спросила у подростков, закончилась ли подготовка. В кабинет вы вошли без меня. До выяснения доступа я обеспечиваю сохранность записей.

— Нарушая правила хранения.

— Временно. Сегодня составлю акт и попрошу опечатать отдельный шкаф.

Тамара закрыла папку.

— Давайте без спектакля. Исправьте формулировку в системе. Вместо «острой реакции» поставьте «эмоциональная реакция на учебный фильм, сведения не подтверждены». И отдельно напишите, что рассказ о машине носит характер детской фантазии, возникшей после просмотра.

Инна услышала, как в приёмной зазвонил телефон. Сек-

ретарь ответила, назвала школу, попросила подождать. Голос проникал сквозь дверь ясно, без необходимости прислушиваться.

— В общей записи нет рассказа о машине, — сказала Инна. — Поэтому исправлять там нечего. Я не могу назвать фантазией сведения, которые не проверяла и которые не обязана оценивать как следователь.

— Вы психолог. Отличить воспоминание от фантазии — ваша работа.

— Нет. Я могу оценить состояние ребёнка, риск и то, как он рассказывает. Установить, кто был за рулём шесть лет назад, должны не школьный психолог и не директор.

— Значит, рассказ всё-таки был.

Ловушка была простой, и всё равно Инна в неё вошла. Она сказала больше, чем собиралась: не содержание, но существование рассказа. Тамара ждала продолжения, положив ладони на закрытую папку.

— Вы сами вчера называли фантазию про машину, — ответила Инна. — Сейчас я не подтверждаю и не опровергаю содержание приёма. Я отказываюсь оформлять предложенный вами вывод без оснований.

— А основания есть. У мальчика после смерти сестры были приступы. Он путал даты, рассказывал, что мать придёт за ним. Ольга водила его к врачу в районе. Егор помогал семье, возил на занятия, оплатил лыжную форму. Теперь вы за два разговора делаете из него угрозу.

— Миша сам не хочет оставаться с ним и ездить в его машине.

— Подростки каждую неделю не хотят идти на тренировку. Если взрослые будут оформлять каждый каприз как угрозу, мы закроем все кружки.

— Тогда присутствие тёти на разговоре никому не повредит.

— Ольга работает. В отличие от некоторых, она понимает цену чужой помощи.

Фраза прозвучала почти буднично. Инна мысленно повторила её дословно. Цена чужой помощи. Не «ценит помощь», не «благодарна», а понимает цену.

— Это связано с её работой в амбулатории?

— Это связано с ответственностью взрослых.

— Фонд комбината оплачивает там полставки?

— Какое отношение это имеет к школе?

— Такое, что Миша боится последствий для тёти, если перестанет ходить в секцию.

Тамара впервые отвела взгляд. За окном трактор сгребал снег к школьному забору. Жёлтая мигалка проходила по толку через равные промежутки.

— Вот что бывает, когда ребёнку позволяют строить связи между несвязанными вещами, — сказала она. — У Ольги сокращение, потому что район урезал расходы. Егор ищет деньги, чтобы сохранить людей. А вы внушаете мальчику, будто его поведение решает судьбу взрослого.

— Я ничего такого ему не внушала.

— Но записали.

— Я не обсуждаю, что записала.

— Вы обязаны поставить меня в известность, если видите риск.

— Поставила. Ребёнок не согласен на встречи один на один и поездки с руководителем секции. До оценки ситуации прошу исключить их.

— Риск чего конкретно?

— Давления.

— Какими действиями?

— Этого минимума достаточно, чтобы не устраивать встречу сегодня.

— Для меня недостаточно. Вы бросаете обвинение в адрес сотрудника партнёрской организации и прячетесь за тайной.

— Я предлагаю временную меру, а не объявляю человека виновным.

Тамара открыла ежедневник и провела ручкой по строке.

— В двенадцать тридцать придёт Ольга. Вы объясните ей, что сорвали подготовку к районным стартам. Егор тоже будет.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Совместная встреча с человеком, которого ребёнок просит не подпускать, не подходит для выяснения безопасности. Я могу поговорить с Ольгой отдельно и сообщить ми-

нимум: Миша просит прекратить индивидуальные поездки и встречи. Историю приёма пересказывать не буду.

— Я назначаю служебное совещание.

— Тогда письменно укажите тему, состав и основание. Я отвечу письменно, какие сведения могу сообщить.

— Вы решили воевать бумагами?

— Я решила не спорить потом о том, кто что сказал.

В дверь постучали. Секретарь просунула голову и сообщила, что приехал поставщик столовой. Тамара отпустила её движением руки.

Когда дверь открылась, Инна снова ясно услышала принтер, голоса из коридора и даже стук ложки о чашку. Кабинет директора не был звуконепроницаемым. Её собственный кабинет граничил с архивом, где иногда работали люди. Возможность услышать разговор ещё не называла слушателя, но делала утечку проще, чем взлом ящика.

— Я жду исправленную запись до конца дня, — сказала Тамара. — И журнал верните на место. Если вы откажетесь, я оформлю это как нарушение должностных обязанностей.

— Пришлите требование письменно.

— Вы его получили.

— Устное требование я тоже зафиксирую.

Инна встала.

— И ещё, — сказала Тамара. — Не связывайтесь с районом за моей спиной. Любое сообщение от школы идёт через директора.

— Сообщение о безопасности ребёнка не требует вашего разрешения.

— Вы уверены?

— Да.

Уверенность была профессиональной, не человеческой. Человеческая часть Инны уже считала: зарплата, квартплата, лекарства, помощница три раза в неделю. Тамара знала эти числа если не точно, то достаточно хорошо.

— Тогда подумайте, готовы ли вы отвечать за последствия ложного сигнала, — сказала директор. — Не только для себя.

Инна вышла, не спросив, кого именно та имела в виду.

В своём кабинете она закрыла дверь и первым делом записала время начала и конца разговора. Потом восстановила реплики по порядку, отделяя точные слова от смысла. Точные брала в кавычки: «исправьте формулировку», «детская фантазия», «не связывайтесь с районом», «не только для себя». Там, где могла ошибиться в одном слове, писала без кавычек.

Служебная записка заняла две страницы. Инна указала, что директор подтвердила вход в кабинет и поиск журнала, потребовала оценить не проверенные сведения как фантазию, отказалась принять временное ограничение встреч без раскрытия подробностей и назначила совместный разговор с Егором вопреки несогласию ученика. В конце добавила просьбу зарегистрировать документ и обеспечить отдельное

хранение записей психолога.

Она распечатала три экземпляра. Один подписала для канцелярии, второй оставила себе, третий предназначался районной службе вместе с минимальным сообщением о риске.

На лестнице её догнала секретарь.

— Инна Сергеевна, Тамара Николаевна просила ничего пока не регистрировать. Она сама к вам спустится.

— Записку уже видели?

— Нет. Она догадалась.

— Тогда зарегистрируйте, пожалуйста.

Секретарь держала ладонь на папке входящих, но не открывала её.

— Вы же понимаете, мне здесь работать.

Инна понимала. Именно поэтому не стала класть бумагу на стол и уходить.

— Поставьте время получения на моём экземпляре. Содержание оценивать не нужно.

— Она потом спросит, почему я приняла.

— Потому что это ваша работа. А моя — не оставлять такой разговор без записи.

Секретарь посмотрела в сторону директорской двери, потом раскрыла журнал. Присвоила номер, вписала дату и короткое название: «О хранении документации и служебном взаимодействии». На копии Инны поставила штамп. Рука у неё дрогнула, и край прямоугольника вышел бледным.

— Всё?

— Всё. Спасибо.

Когда Инна вернулась к себе, на телефоне было два пропущенных от отца и сообщение от незнакомого номера: «Не делайте из Миши больного. Ольга».

Она перезвонила отцу.

— Ты чего два раза?

— Хотел проверить, работает ли телефон, — сказал Сергей. — Работает.

— Пап.

— Таблетки выпил. Чайник выключил. В дверь не открывал. Теперь отчёт принят?

— Принят.

— Голос у тебя как после педсовета.

Инна посмотрела на штамп секретаря. Прямоугольник был кривым, номер читался ясно.

— Почти угадал.

— Домой придёшь?

Вопрос был обычным, но сегодня в нём слышалось другое: останется ли у них дом, если она продолжит. Инна не позволила себе отвечать на то, чего отец не спрашивал.

— Приду. Куплю хлеб.

После разговора она открыла форму сообщения в районную службу. Убрала упоминание старой аварии, которого и так не было в черновике. Убрала предположение о связи фонда с работой Ольги: пока это был страх Миши, а не уста-

новленное условие. Оставила взрослого руководителя секции, нежелательные поездки, встречи один на один, сообщение ребёнка о давлении через благополучие опекуна и назначенную вопреки отказу встречу.

В графе «требуемое действие» написала: «Независимая оценка текущей безопасности. До неё — исключить индивидуальные поездки и встречи несовершеннолетнего с указанным взрослым. Контакт с законным представителем проводить отдельно, без раскрытия сведений, не относящихся к нынешнему риску».

Курсор мигал над кнопкой отправки.

Если она нажмёт сейчас, Тамара получит уведомление из района прежде, чем закончится второй урок. Если подождёт встречи с Ольгой, Мишу могут посадить за один стол с Егором в двенадцать тридцать. Инна вспомнила четыре предложения на листе и его последнюю просьбу: чтобы потом она не сказала другое.

Она нажала «Отправить».

Система выдала номер обращения и время. Инна переписала их на свой экземпляр служебной записки.

В ту же минуту внутренний телефон зазвонил снова.

На этот раз Инна не подняла трубку сразу. Она дождалась второго звонка, открыла чистую страницу рабочего блокнота и написала сверху дату.

Только потом ответила.

Глава 4. Служебная квартира

Внутренний телефон звонил до тех пор, пока Инна не сняла трубку.

— Вы отправили сообщение? — спросила Тамара без приветствия.

— Да.

— Отзовите.

— Нет.

— Вы не дали мне даже поговорить с опекуном.

— Разговор с Ольгой нужен. Отправленное сообщение ему не мешает.

— Вы указали Егора?

Инна посмотрела на номер обращения. На экране рядом с ним стояло «доставлено».

— Я не буду обсуждать с вами содержание до ответа службы.

— Это школа, Инна Сергеевна. Не ваша частная практика.

— Именно поэтому обращение зарегистрировано.

Тамара положила трубку первой.

После этого день не ускорился и не замедлился. У Инны были групповое занятие у пятиклассников, разговор с классным руководителем о драке в раздевалке и две назначенные консультации. На каждой двери, за каждым детским голосом

ей мерещилось ожидание следующего директорского вызова. Но Тамара больше не звонила.

В двенадцать двадцать Инна спустилась к приёмной. Ольга уже сидела на стуле у окна, не сняв белый рабочий халат под пуховиком. Видимо, пришла прямо из амбулатории. Руки у неё были красными от мороза или частого мытья. Рядом стоял Егор, листал телефон. Тамары в приёмной не было.

— Я согласна говорить с вами отдельно, — сказала Инна Ольге. — Без руководителя секции.

Ольга подняла глаза.

— А он что, заразный?

— Миша просит не оставлять его с Егором Андреевичем и не возить в его машине. Пока оценивается безопасность, совместная встреча не подходит.

Егор убрал телефон.

— Оля, видишь? Я же говорил. Из обычного подросткового бунта уже делают дело.

— Я разговариваю с законным представителем, — сказала Инна.

— А я отвечаю за команду. Через два дня районные старты. Миша в эстафете.

— Он не обязан участвовать.

— Обязанность здесь ни при чём. Он готовился полгода и подводит троих ребят. Вы хотя бы понимаете, чему учите детей?

— Отказываться от поездки, которой они боятся.

Ольга встала. Она была ниже Инны, но держала подбородок так, будто готовилась принимать удар.

— Чего он боится? Скажите нормально.

— Я могу обсудить с вами его нынешнюю просьбу. Сохранение приёма без необходимости пересказывать не буду.

— Я его опекун.

— Поэтому вам важно знать: он не хочет ездить с Егором Андреевичем, встречаться с ним один и идти сегодня на совместный разговор. Этого достаточно, чтобы временно остановить поездки.

— Недостаточно, — сказала Ольга. — У него бывает. Накрутит себя, потом неделю из дома не вытащишь. Егор шесть лет с ним занимается. Бесплатно.

— Не бесплатно, — поправил Егор с лёгкой улыбкой. — Фонд оплачивает тренеров. Для семей бесплатно.

Инна увидела, как Ольга быстро взглянула на него. Не благодарно — предупреждающе, словно он назвал сумму семейного долга при посторонних.

— Мы можем поговорить в моём кабинете, — сказала Инна. — Вдвоём.

— Мне через двадцать минут на уколы, — ответила Ольга. — Скажите одно: он опять наговорил про ту аварию?

Егор не шевельнулся.

Инна почувствовала, как приёмная стала тесной. Секретарь перестала печатать. Даже не подняв головы, она теперь слышала каждое слово.

— Я не подтверждаю содержание его разговора со мной.

— Значит, наговорил, — сказала Ольга. — Господи. Я думала, прошло.

— Оля, не здесь, — негромко произнёс Егор.

— А где? В машине у тебя? Или дома, где он дверь запирает и делает вид, что уроки?

Тамара появилась в дверях кабинета.

— Пройдёмте все ко мне.

— Все не пройдем, — сказала Инна. — Миши здесь нет, а разговор о его обращении уже идёт в присутствии человека, встречи с которым он просил прекратить.

— Вы сами начали его в приёмной.

— Я сообщила Ольге минимум. Вопрос об аварии задала она.

Ольга застегнула пуховик до подбородка.

— Мне некогда. Сегодня он идёт домой после школы. На базу не пойдёт. Довольны?

— На сегодня это безопасное решение. Я позвоню вам вечером и договорюсь об отдельном разговоре.

— Не звоните на работу.

— На личный номер.

— И туда не надо. Я сама позвоню, когда смогу.

Она пошла к лестнице. Егор задержался, посмотрел на Тамару, потом на Инну.

— Команда поедет без него, — сказал он. — Только не рассказывайте потом, что его исключили в наказание.

— Я запишу, что участие отменено по просьбе ребёнка и решению опекуна.

— Конечно, запишите. Вы теперь всё записываете. Он ушёл вслед за Ольгой.

Тамара молча вернулась в кабинет и закрыла дверь. Инну больше не пригласила.

После уроков Миша не пришёл. Из окна Инна увидела, как он вышел с Артёмом, и оба направились к магазину, а не к базе. В семнадцать десять районная служба прислала короткий ответ: обращение принято, первичный звонок опекуну запланирован на следующий рабочий день, до оценки рекомендовано исключить встречи один на один. Рекомендация не была приказом, но теперь существовала не только в Инниной записке.

Она распечатала ответ, зарегистрировала копию и убрала в сумку. Журнал тоже унесла. Отдельный шкаф никто не опечатал, письменного требования вернуть документы Тамара не прислала.

На улице уже стемнело. Речной Бор зимой жил короткими переходами между островками света: школа, магазин, амбулатория, проходная комбината, окна пятиэтажек. За ними начинались сугробы и чёрная стена леса. Автобус до старого микрорайона ходил раз в сорок минут. Инна могла пройти пешком за двадцать пять, но сегодня купила хлеб, молоко, яблоки и упаковку пелёнок для отца; пакет резал пальцы.

Служебный дом стоял за школьным стадионом. Три эта-

жа, серый кирпич, трубы по фасаду. В нём жили два молодых учителя, завхоз с семьёй, водитель школьного автобуса и Инна. Квартиру ей дали одиннадцать лет назад, когда она вернулась из района после развода. Тогда директором был Пётр Семёнович, школа сама искала психолога, а жильё казалось временной удачей на пару лет. Потом умерла мать, отец перенёс инсульт, цены на аренду выросли, и временная удача превратилась в единственную конструкцию, на которой держалась их жизнь.

У подъезда лежала деревянная доска: ледяная ступенька раскололась, завхоз обещал починить весной. Инна поднялась на второй этаж и ещё на лестнице услышала телевизор.

Сергей открыл после второго звонка. Правой рукой он держался за косяк, левую прижимал к животу. После инсульта левая ладонь слушалась хуже, два пальца постоянно подгибались.

— Ты зачем встала? — спросила Инна.

— Чтобы открыть. В дверь обычно так и делают.

— Мог подождать.

— До весны?

Он отступил, пропуская её. На нём были спортивные брюки и синяя рубашка, застёгнутая не на те пуговицы. Инна поставила пакет на кухне, вернулась и молча перестегнула.

— Сам собирался, — сказал Сергей.

— Вижу.

— Пуговицы сегодня в сговоре.

В комнате на диване лежали резиновая лента, мяч с шипами и тетрадь с упражнениями. Значит, Лида приходила и занималась с ним. Три раза в неделю она помогала мыться, готовила обед и следила за гимнастикой. Четыре часа стоили столько, сколько Инна когда-то тратила на продукты за неделю. Отказываться от неё было нельзя: однажды Сергей упал в ванной, пока Инна вела родительское собрание, и пролежал на полу почти два часа.

— Лида ушла когда? — спросила Инна.

— В четыре. Сказала, шаг лучше.

— Давление мерили?

— В тетради.

— Таблетки?

— Выпил. Я не ученик у тебя на приёме.

— Ученики тоже так говорят.

Инна разобрала покупки. Хлеб оказался мягким, Сергей одобрительно кивнул. Она поставила греться суп, разложила вечерние таблетки по крышке от контейнера. Восемь месяцев назад названия лекарств пугали её. Теперь руки сами находили нужные блистеры: давление, кровь, холестерин, желудок.

— Что в школе? — спросил отец.

— Обычный день.

— Поэтому ты хлеб ножом от упаковки режешь?

Инна посмотрела вниз. В правой руке действительно был маленький канцелярский нож, которым она вскрывала ко-

робку лекарств. Хлеб лежал рядом нетронутый.

— Устала.

— Это я определил. Что случилось?

Она убрала нож в ящик. Рассказывать о Мише нельзя, но и изображать лёгкую служебную размолвку не получалось.

— Конфликт с Тамарой. По работе.

— Она наконец узнала, что ты умнее?

— Она давно знает. Поэтому и конфликт.

Сергей сел за стол медленно, сначала придвинул стул здоровой рукой, потом проверил расстояние коленом. Инна не помогала, пока он не попросил. Так велел врач, но каждый раз ей приходилось удерживать себя физически.

— Серьёзно? — спросил он.

— Может быть.

— Уволить может?

Инна разлила суп. Пар запотел нижний край окна.

— Теоретически.

— А практически?

— Не знаю.

Сергей взял ложку правой рукой. До инсульта был левшой, и теперь каждый обед выглядел как урок для взрослого человека, которого никто не спросил, хочет ли он переучиваться.

— Из-за ребёнка? — спросил он.

Инна подняла глаза.

— Почему ты решил?

— Ты работаешь в школе. Не из-за кактуса же.

— Подробности не могу.

— Не надо подробностей. Ты что-то должна сделать, а Тамара не хочет?

— Примерно.

— Сделала?

— Да.

— Тогда ешь.

Будто вопрос был закрыт. Инна села напротив, но аппетита не было. На холодильнике магнитом держалась квитанция за лекарства: часть препаратов выдавали бесплатно, одного нужного на складе не оказалось второй месяц. Рядом висел лист с расписанием Лиды и суммами. В нижнем углу отец собственноручно написал: «не забыть батарейки в тонометр», буквы уходили вниз.

— Квартира школьная, — сказала Инна.

— Я помню. Хотя инсульт и был.

— Если меня уволят, её придётся освободить.

— Не завтра же.

— В договоре написано: в течение месяца после прекращения трудовых отношений.

— Значит, месяц.

— Где мы снимем жильё за месяц? На первом этаже или с лифтом. Рядом с амбулаторией. Чтобы Лида могла приходить. Здесь аренда почти вся моя зарплата, если вообще кто-то сдаёт зимой.

— Продадим гараж.

— Гараж не наш. Ты его Косте отдал за ремонт машины ещё до инсульта.

Сергей нахмурился. Несколько секунд он искал это воспоминание.

— Точно. Плохой был гараж.

— Нормальный гараж был.

— Тогда жалко.

Он попытался улыбнуться, но левая сторона лица отстала. Инна отвернулась к плите, хотя давно привыкла. Не к лицу — к тому, как быстро за шуткой мог открыться страх.

— Можно снять комнату у Нины Павловны, — сказал Сергей.

— На третьем этаже без лифта.

— Буду тренироваться.

— Ты до второго поднимаешься с остановкой.

— Значит, на третьем будет две.

— Папа, это не смешно.

— А я не смеюсь.

Он положил ложку. Супа съел половину.

— Ты хочешь, чтобы я сказал: не рискуй, дочка, мне нужны таблетки и удобный туалет? Так?

— Я ничего не хочу, чтобы ты говорил.

— Хочешь. Иначе не стала бы считать при мне лестницы.

Инна почувствовала раздражение, слишком сильное для его слов.

— Я считаю, потому что кто-то должен. Ты не можешь просто сказать «месяц» и сделать вид, что за это время появится квартира.

— Не появится. Будем искать.

— На что?

— На деньги.

— Какие?

— Твои, мои. Пенсия есть.

— Твоя пенсия не покрывает даже Лиду.

Сергей медленно отодвинул тарелку.

— Тогда уберём Лиду.

— Нет.

— Я справлюсь.

— Ты в ванной упал.

— Один раз.

— Одного достаточно.

— Вот и ребёнку, наверное, одного достаточно.

Инна замерла.

Сергей провёл большим пальцем по краю стола. Левую руку он спрятал под столешницей, как делал при чужих.

— Я не знаю, что там у тебя, — продолжил он. — И знать не должен. Но если ты пришла домой перечислять, чем я тебе обязан, скажи прямо.

— Я не это делаю.

— Делаешь. Квартира из-за меня нужна. Лида из-за меня. Лекарства. Первый этаж. Если ты промолчишь, значит, ради

меня. Удобно получается: решение твоё, а виноват я.

— Ты не виноват.

— Тогда не делай меня причиной.

В кухне щёлкнул холодильник. По трубе сверху прошёл шум воды. Дом был старый, слышал соседей и давал им слышать себя. Инна вспомнила приёмную, кабинет директора, вентиляционную решётку над своим шкафом. В посёлке стены всегда знали чуть больше, чем люди собирались им доверить.

— Я уже отправила сообщение, — сказала она.

— Какое?

— Которое должна была.

— Тогда чего ты меня пугаешь квартирой?

— Потому что сама испугалась.

Сергей снова взял ложку.

— Это можно.

— Спасибо за разрешение.

— Пожалуйста. Я отец, у меня полномочия.

Инна наконец отломил кусок хлеба. Он был тёплым из магазина и пах дрожжами.

— Тамара может не увольнять сразу, — сказала она. — Сначала проверка, выговор. У неё есть основания придраться к старым отчётам.

— Настоящие основания?

— Да.

— Что сделала?

— Подписала общий отчёт о классе. Там стояло, что состояние каждого ребёнка оценено. На самом деле было групповое занятие, с некоторыми лично не говорила.

— Зачем подписала?

— Нужно было сдать к пятнице. Так делали до меня и после меня. Формулировка считалась обычной.

— Но неправда?

— Если читать буквально — неправда.

— А читать как надо?

— Буквально и надо.

Сергей кивнул. Он не утешил её словами, что все так делают. За это Инна была благодарна и одновременно злилась.

— Исправить можешь?

— Старый отчёт — нет. Могу признать нарушение и больше не подписывать такие.

— Значит, признаешь.

— Тогда Тамара использует это против всего, что я говорю сейчас.

— Использует и без признания.

Инна посмотрела на него. До инсульта Сергей работал диспетчером котельной. Он умел по шуму насоса определить неисправность, по голосу начальника — понять, когда тот уже выбрал виноватого. Дома это знание часто превращалось в упрямство. Сегодня оно прозвучало как простая механика.

— Ты не спрашиваешь, права ли я сейчас, — сказала она.

— Ты не рассказываешь, что случилось. Как я проверю?

— Никак.

— Вот и не спрашиваю. Спрашиваю про твою часть. Старую бумагу подписала зря. Новое сообщение, говоришь, должна была отправить. Это две разные вещи. Тамара постарается сложить их в одну. Ты не помогай.

Инна улыбнулась краем рта.

— Тебе бы психологом работать.

— Зарплата маленькая.

— Зато квартира.

Они оба посмотрели на стены. Обои у окна отошли тонким лепестком. На двери кухни остались карандашные отметки роста Инныной племянницы, приезжавшей летом. Чужое жильё умело обрастать такими подробностями, что договор найма казался нелепой ошибкой.

После ужина Инна помогла отцу сделать упражнения. Он десять раз сжимал мяч, поднимал колено, переносил вес с ноги на ногу у спинки стула. На восьмом повторе вспотел и выругался. На десятом объявил, что реабилитация придумана людьми, которые сами никогда не болели.

Потом они проверили таблетки и давление. Цифры были выше обычного. Инна предложила вызвать дежурного фельдшера, Сергей отказался и потребовал перемерить через пятнадцать минут. Второй результат оказался ниже.

В половине девятого позвонила Ольга.

Инна вышла в прихожую и прикрыла дверь кухни.

— Миша дома? — спросила она.

— Дома. Заперся.

— Он в безопасности?

— Смотря что вы называете безопасностью. Не в машине, если вам это главное.

— Сейчас это важно. Районная служба завтра свяжется с вами.

— Уже связалась. Робот прислал сообщение. Вы быстро.

— Я сообщила только о нынешнем риске. Про аварию не писала.

На том конце стало тихо. Инна слышала телевизор и звук льющейся воды.

— Он вам рассказал, что видел? — спросила Ольга.

— Я не буду подтверждать его слова без необходимости.

— Я не директор. Я его вырастила.

— Поэтому поговорите с ним о том, чего он хочет сейчас: не ездить с Егором, не встречаться один. Не требуйте повторять старую историю.

— Вы не понимаете. После аварии он просыпался и говорил разное. То Егор был за рулём, то мать, то он сам. Ему было девять. Сестра умерла за год до этого, он ждал её у окна. Врач сказал, память может смешивать страхи.

— У вас сохранились заключения врача?

— Вот. Уже собираете дело.

— Нет. Я хочу не делать выводов по пересказу.

— А Егор делал для него всё. Лыжи купил, в район возил.

Когда у меня ночные смены, забирал из школы. Если Миша теперь испортит ему жизнь...

— Миша не отвечает за взрослого. И не обязан принимать помощь, если рядом с человеком ему страшно.

— Легко говорить. Вы завтра уйдёте домой, а мне здесь жить.

Инна посмотрела на вешалку, на ключ от служебной квартиры в маленькой керамической чашке.

— Я тоже живу здесь.

— Тогда должны понимать.

— Понимаю, что зависимость от помощи мешает отказаться. Но это не делает отказ неправильным.

Ольга выдохнула.

— В амбулатории убирают ещё одну ставку. Фонд обещал взять расходы до весны. Егор договаривался. Если они передумают, я останусь на полставки. Как мне жить?

— Он говорил, что фонд передумает из-за Миши?

— Нет. Не говорил. И не надо записывать так, будто говорил.

— Я не буду. Спрашиваю, чтобы различить ваш страх и чьё-то условие.

— У нас условия вслух не говорят.

Это была первая фраза Ольги, произнесённая без раздражения. Почти шёпотом.

— Завтра вам позвонит специалист, — сказала Инна. — Расскажите ему ровно это. Без аварии, если не хотите. Про

работу, помощь фонда и страх последствий.

— И что будет?

— Не знаю. Но до оценки не позволяйте Егору забирать Мишу одного.

— Он и не придёт. После сегодняшнего.

— Если придёт, позвоните мне или в службу.

— Вам Тамара квартиру дала, — неожиданно сказала Ольга. — Помните об этом, когда учите меня независимости.

Связь оборвалась.

Инна осталась в прихожей. Отец выключил телевизор. За тонкой дверью было тихо.

На полке рядом с ключами лежал договор служебного найма в синей папке. Инна достала его и перечитала пункт о выселении. Один месяц. Без обязанности предоставить другое помещение, если трудовой договор прекращён по инициативе работодателя за виновные действия работника.

Она сфотографировала страницы и отправила себе на почту. Затем открыла объявления об аренде. В Речном Бору сдавались две квартиры: однокомнатная на четвёртом этаже и дом на окраине с печным отоплением. Обе стоили больше половины её зарплаты. Районный центр предлагал больше вариантов, но оттуда пришлось бы каждый день ездить сорок километров, а Сергею менять врача и помощницу.

Инна выписала номера. Не потому, что собиралась звонить ночью, а потому, что страх становился меньше, когда имел адрес и цену.

Сергей появился в дверях, держась за стену.

— Подслушивал? — спросила она.

— В туалет шёл. Но стены помогли.

— Прости.

— За что?

— Что втянула тебя.

— Я здесь живу. Меня невозможно не втянуть в квартиру.

Он заметил договор на полке.

— Уже выселяют?

— Нет.

— Тогда убери. Завтра будешь бояться завтра.

— Очень мудро.

— Запиши в свой журнал.

Инна вернула папку на место, но номера квартир оставила в блокноте. Потом проводила отца до комнаты и дождалась, пока он ляжет.

Перед сном она проверила служебную почту. От Тамары пришло письмо с темой «Нарушение порядка хранения документации». Директор требовала к восьми утра вернуть журнал в кабинет и предоставить письменное объяснение. К письму был приложен скан должностной инструкции.

Следом пришло другое сообщение, без темы. Отправитель — школьная канцелярия. Внутри находился один файл: прошлогодний сводный отчёт о психологическом благополучии восьмого класса. Внизу стояла Иннина подпись.

Напротив фамилии Лапина значилось: «Индивидуальная

беседа проведена. Признаков актуального неблагополучия не выявлено».

Инна помнила тот декабрь. Отчёт требовали закрыть перед проверкой, трое детей болели, Миша уехал на соревнования. Она провела групповое занятие и поставила одинаковые отметки всем, рассчитывая поговорить с отсутствующими позже. С Мишей так и не поговорила.

Теперь формулировка выглядела не привычной школьной ложью, которую никто не читает, а её личным утверждением: я видела этого ребёнка и всё проверила.

Она скачала файл, сохранила письмо и записала факты без оправданий. Беседа не проведена. Отметка неверна. Подпись моя.

Из комнаты Сергей позвал её по имени. Инна закрыла ноутбук и вошла.

— Воды, — сказал он.

Она подала стакан. Отец выпил несколько глотков и вернулся.

— Если из-за меня промолчишь, — произнёс он медленно, — я всё равно узнаю. Ты молча посуду громче ставишь.

— Спи.

— Это не ответ.

— Я уже не промолчала.

— Тогда хорошо.

Он повернулся к стене. Инна выключила ночник и постояла в темноте, пока дыхание отца не стало ровнее.

На кухне телефон коротко завибрировал. Тамара прислала ещё одно письмо: «Объяснение по недостоверному отчёту также прошу представить до 10:00».

Инна не ответила. Она открыла новый документ и написала первую строку: «В отчёте за прошлый учебный год мною указана индивидуальная беседа с М. Лапиным, которая фактически не проводилась».

Потом остановилась.

Признать свой проступок было страшнее, чем спорить о чужом. Но если она начнёт защищаться ложью, между ней и Тамарой останется только разница в масштабе.

Инна дописала объяснение до конца и поставила дату.

Глава 5. Общий отчёт

К восьми утра журнал снова лежал в металлическом шкафу.

Инна принесла его в непрозрачной сумке, хотя от дома до школы было триста шагов. На вахте дежурила Валентина Петровна. Она посмотрела на сумку, на Инну и попросила расписаться в книге прихода. Обычно сотрудники проходили мимо, бросая приветствие, но сегодня напротив Инниной фамилии уже была проведена карандашная черта.

— Тамара Викторовна велела всех отмечать, — объяснила вахтёрша. — Не только вас.

Страница была пустой, кроме подписи завхоза, пришедшего в семь двадцать. Инна записала время и поднялась. В коридоре пахло мокрыми варёжками и хлоркой. До первого звонка оставалось сорок минут, но на втором этаже уже хлопали двери: сегодня начиналась районная проверка питания, и повара таскали из столовой папки с накладными.

У кабинета психолога стоял завхоз Павел Ильич. В руках у него был новый навесной замок в прозрачной упаковке.

— Это зачем? — спросила Инна.

— Распоряжение. После вчерашнего.

— После того, как директор открыла мой шкаф своим ключом?

Павел Ильич покосился к лестнице.

— Мне сказали заменить личинку в двери.

— Кому отдадите ключи?

— Один вам, второй директору. Как всегда.

— Тогда что изменится?

Он пожал плечами. На прозрачной упаковке был нарисован золотой замок, хотя внутри лежал обычный серый цилиндр.

— Я не решаю, Инна Сергеевна. Подпишите, что журнал вернули.

Он протянул лист. В акте уже было напечатано: «Документация, вынесенная с территории учреждения с нарушением установленного порядка, возвращена без видимых повреждений». Ниже оставили место для двух подписей.

— Я подпишу только факт возврата, — сказала Инна.

— А это что?

— Здесь ещё написано про нарушение. Его я своей подписью не устанавливаю.

Павел Ильич нахмурился, словно она усложняла замену замка нарочно. Инна зачеркнула середину фразы, надела от руки: «Журнал возвращён в запёртый шкаф, страницы на месте», поставила время и расписалась. Завхоз вздохнул, добавил свою подпись и забрал лист.

На столе лежал белый конверт без марки. Внутри было распоряжение директора: до окончания служебной проверки все индивидуальные записи должны храниться в шкафу, вынос документов запрещён, доступ директора сохраняется

в соответствии с локальным положением. Инне предписывалось представить объяснения по прошлогоднему отчёту к десяти утра.

Она включила компьютер и открыла подготовленный дома файл. Ночью ей хотелось дописать абзац о сроках, бытовых и требованиях администрации. Утром она удалила его. Обстоятельства объясняли, почему ложь стала удобной, но не превращали её в правду.

«Индивидуальная беседа с М. Лапиным фактически не проводилась. Сведения внесены мной на основании группового занятия и общей информации классного руководителя, что не соответствует указанному виду работы. Подпись в отчёте принадлежит мне. Прошу считать запись недостоверной и провести проверку аналогичных отметок за указанный период».

Она распечатала два экземпляра. Один отнесла секретарю, на втором попросила входящий номер.

Людмила Андреевна прочла первую строку и подняла глаза.

— Вы уверены, что хотите вот так?

— Как?

— Прямо написать.

— А как ещё?

— Обычно пишут: в связи с большой нагрузкой возможна техническая неточность.

— Беседы не было. Это не техническая неточность.

Секретарь опустила штамп, но не ударила им по листу.

— Тамара Викторовна просила сначала ей показать.

— Письменное объяснение адресовано ей. Вы его зарегистрируете, она увидит.

— Инна Сергеевна, я вам по-человечески.

— И я по-человечески прошу поставить входящий номер.

Штамп лёг криво. Людмила Андреевна вписала дату и номер семьдесят три. Инна забрала копию.

Когда она вернулась, у двери ждал Миша. Куртка была расстёгнута, под мышкой он держал лыжный чехол.

— Ты почему не на уроке?

— Ещё не начался. Это Артёмов чехол. Он попросил занести физруку.

Миша говорил быстро и смотрел не на неё, а на новую упаковку от замка у стены.

— Вчера Егор не приезжал? — спросила Инна.

— Нет.

— Тётя была дома?

— После девяти. Всё нормально.

— Специалист из района сегодня должен связаться с ней.

— Она не возьмёт трубку.

— Это её решение. Тебя сегодня кто-нибудь просил идти на базу или ехать с Егором?

Миша покачал головой.

— Тогда иди на урок. Если появится новая просьба или угроза, можешь передать через классного руководителя, что

тебе нужна встреча. Сейчас мы не начинаем разговор в коридоре.

— А вы меня больше не принимаете?

— Принимаю. Просто сначала договариваемся о времени и закрываем дверь.

Он ещё раз посмотрел на замок.

— Тут всё равно слышно.

— Почему ты так думаешь?

Звонок ударил над ними. Миша вздрогнул и перекинул чехол на другое плечо.

— Просто слышно, — сказал он и ушёл к лестнице.

Инна не позвала его обратно. Вопрос был важным, но вытягивать ответ между звонком и чужой дверью значило повторить ту же ошибку: считать, что право спросить равно подходящему моменту.

В девять пятнадцать секретарь пригласила её к директору.

На столе Тамары лежали три папки. Верхняя была раскрыта на прошлогоднем отчёте. Рядом стояла красная кружка с надписью «Руководитель года», подарок выпускников. Обычно Тамара поворачивала её надписью к посетителю. Сегодня ручка смотрела к стене.

— Садитесь, — сказала директор. — Что это за демонстрация?

— Моё объяснение.

— Я прочитала. Вы предлагаете проверить все аналогичные отметки. Сколько их?

— Я пока не знаю.

— Вы не знаете, сколько раз подписали недостоверные сведения?

— Не помню без документов. Поэтому и прошу проверить период.

Тамара перелистнула несколько страниц.

— Я уже проверила. В декабрьском отчёте восемнадцать индивидуальных бесед. В вашем рабочем журнале за тот месяц — одиннадцать.

Инна почувствовала, как ступни сильнее упёрлись в пол.

— Семь расхождений?

— Не торопитесь признавать всё подряд. Три ребёнка могли прийти без отдельной записи, два участвовали в малой группе. Я пытаюсь понять, почему вы решили добровольно написать себе обвинительное заключение.

— Потому что напротив Миши стоит конкретный вид работы, которой не было.

— Групповая была?

— Была.

— Классного руководителя опрашивали?

— Да.

— Признаки неблагополучия тогда имелись?

— Я не могла обоснованно написать, что не имелись, если не разговаривала с ним лично.

Тамара закрыла папку.

— В прошлом году могли, а сегодня не можете. Удобно.

— В прошлом году я поступила неправильно.

— Или сегодня вы подстраиваете прошлое под нынешнюю версию мальчика.

— Отсутствие беседы не версия. Оно проверяется журналом.

— Журнал, который вы унесли домой после прямого распоряжения оставить документы в школе.

— Письменного распоряжения тогда не было. Я обеспечила сохранность после того, как вы открыли шкаф и нашли запись не по отчётности.

— Вы обвиняете меня в чтении записей?

— Я фиксирую доступ. И хочу знать, откуда вам стала известна фраза про машину.

Тамара сняла очки и медленно протёрла их салфеткой.

— Мы сейчас обсуждаем не меня. Специалист, который систематически подменяет индивидуальные беседы групповыми, не может убедительно утверждать, что правильно понял ребёнка в состоянии тревоги.

— Поэтому нынешний риск должна оценить районная служба. Я не просила верить только мне.

— Вы уже направили туда сообщение, в котором выступаете как специалист школы.

— И указала проверяемые действия: Миша просит прекратить поездки и встречи один на один, взрослый знает о закрытом разговоре и связывает старые истории с работой опекуна.

— Егор ничего не связывал с её работой.

— Откуда вы знаете формулировку сообщения?

На секунду Тамара замолчала. Потом надела очки.

— Ольга рассказала о вчерашнем разговоре.

— Я не говорила Ольге, что именно написала в службу.

— Тогда вы сейчас сказали.

Инна поняла, что директор права: перечисляя содержание, она сама дала ей точную формулировку. Не тайну Миши, но часть обращения. Исправить уже нельзя.

— Да, — сказала она. — Эту часть я сейчас сообщила вам сама.

Тамара чуть откинулась на спинку кресла. Она ожидала спора, и простое признание на мгновение лишило её следующей реплики.

— Вот видите, — произнесла она наконец. — Вы действуете сгоряча. Вчера вынесли журнал, сегодня подписали признание, только что раскрыли содержание служебного сообщения. А в центре всего мальчик с приступом тревоги и давней навязчивой историей.

— В центре всего его просьба не оставлять его наедине со взрослым, которого он боится.

— Вы можете доказать угрозу?

— Текущую просьбу — да. Давление должна оценить служба. Старое событие я не включала.

— Но оно определило вашу оценку.

— Оно повысило внимание. Решение опирается на ны-

нешние слова и действия.

Тамара выдвинула нижний ящик и достала ещё один лист. Это была форма служебной проверки. В графе «предмет» значились нарушение хранения документации, предоставление недостоверной отчётности и возможное превышение полномочий при передаче сведений о семье во внешнюю службу.

— Подпишите ознакомление.

Инна прочла каждую строку. Внизу было указано, что до завершения проверки она продолжает работу, но любые внешние обращения от имени школы согласует с директором.

— С последним пунктом не согласна. Если ребёнку угрожает опасность, согласование может задержать обязательное сообщение.

— Никто не запрещает вызвать полицию при пожаре и нападении.

— Опасность не всегда выглядит как нападение.

— Именно поэтому решение принимает руководитель, а не сотрудник с семьёй недостоверными беседами.

Инна положила лист на стол.

— Я распишусь в ознакомлении и укажу возражение.

— Конечно. Вы теперь всё указываете.

Она написала: «Ознакомлена. Не согласна с предварительным требованием согласовывать обязательные сообщения о риске; буду действовать в пределах должностных обя-

занностей и закона». Поставила дату и время.

— Копию, пожалуйста.

— Секретарь сделает.

— Я подожду.

Тамара нажала кнопку внутреннего телефона и попросила Людмилу Андреевну принести копию. Пока они ждали, из коридора донёлся топот младших классов. Кто-то трижды дёрнул дверь директорского кабинета и убежал, не извинившись.

— Вы понимаете, что делаете со школой? — спросила Тамара уже тише. — Перед районной проверкой питания, перед концом четверти. Одно письмо — и сюда приезжают люди, которые ничего о посёлке не знают.

— Им не обязательно знать весь посёлок, чтобы спросить, безопасно ли ребёнку ездить со взрослым против его воли.

— Против воли? Ольга дала согласие на секцию. Он ездил шесть лет.

— Согласие можно отозвать.

— Подросток поссорился с тренером перед стартами. Через неделю передумает, а обвинение останется.

— В моём сообщении нет обвинения в аварии.

— Вы снова её назвали.

— Вы сами связываете нынешнее обращение с аварией.

Тамара резко встала и подошла к окну. Во дворе трактор сгребал снег к забору. За школьным стадионом серел служебный дом. Из директорского окна было видно Иннины ку-

хонные окна — второе и третье слева.

— Пётр Семёнович дал вам эту квартиру, когда другие кандидаты отказались ехать, — сказала Тамара. — Школа терпела, когда вы уходили к отцу среди дня. Подстраивала расписание. Оплачивала курсы. Я считала, что мы умеем решать сложные вещи внутри.

— Помощь не даёт школе право решать внутри то, что касается безопасности ребёнка.

— А подпись под отчётом что даёт?

— Основание проверить мою работу и привлечь меня к ответственности.

— И всё?

— Она не отменяет просьбу Миши.

Секретарь вошла с копией. Тамара дождалась, пока дверь снова закроется.

— До окончания проверки вы не проводите с Лапиным незапланированных индивидуальных встреч. Если он придёт, приглашаете классного руководителя или законного представителя.

— Присутствие опекуна может помешать ему сообщить о риске, связанном с зависимостью семьи.

— Тогда направляете ко мне.

— Он боится вашей семьи.

— Моей семьи? — Тамара повернулась от окна. — Вот оно. Наконец без осторожных слов. Вы уже назначили виновных.

— Я сказала, чего боится он. Не что доказано мной.

— Выйдите.

Инна взяла копию распоряжения и своё объяснение с входящим номером. У двери Тамара добавила:

— И найдите семь бесед. До конца дня.

Первый урок уже закончился. Инна вернулась в кабинет, закрыла дверь и достала архивный журнал за прошлый декабрь. Семь фамилий она выписала на отдельный лист. Миша Лапин — соревнования. Соня Крылова — больничный. Данил Егоров — групповое занятие, после которого его мать отказалась от личной встречи. Ещё четверых Инна помнила смутно.

Она открыла электронный календарь. Там были цветные прямоугольники: «8Б профилактика», «совещание», «отчёт срочно», «родители 6А». Личных встреч с семьёй детьми не было. В переписке с классным руководителем нашлось сообщение Инны: «Троих отсутствующих доберу после каникул». После каникул началась подготовка к районной олимпиаде, потом один мальчик сломал руку, потом отчёт перестал быть срочным. Никого она не добрала.

В одиннадцать пришла классный руководитель Миши, Наталья Алексеевна. Она закрыла дверь, но не села.

— Тамара Викторовна просит объяснительные по прошлому году, — сказала она. — Спрашивает, передавала ли я вам сведения о Лапине.

— Передавали?

— Что он пропустил неделю из-за соревнований. И что успеваемость нормальная. Больше ничего.

— Так и напишите.

— Она хочет, чтобы я вспомнила его состояние.

— Вы помните?

Наталья Алексеевна потёрла ладонью рукав.

— Он всегда был тихий. После пятого класса стал хуже переносить фильмы, где аварии. На классном часе выходил. Я сказала Ольге, она ответила, что после гибели водителя у многих детей впечатление. Водитель школу возил, все его знали.

— Вы сообщали это мне до отчёта?

— Не помню. Может быть.

— Тогда не пишите, что сообщали. Напишите то, что помните и можете датировать.

— А если из-за моего объяснения вас уволят?

— Ваше объяснение должно быть правдой независимо от этого.

— Легко вам говорить.

Инна посмотрела на семь фамилий. Нет, не легко. Именно поэтому она не стала убеждать.

— Тамара сказала, вы хотите поднять все отчёты, — продолжила Наталья Алексеевна. — У нас половина таких. Не у вас одной. Соцпедагог тоже ставит посещение семьи после телефонного разговора. Медсестра закрывает осмотры по справкам. Если сейчас всё честно переписывать, школу

оштрафуют.

— Я проверяю свои записи за конкретный период.

— Но потом придут к остальным.

— Возможно.

— И вы считаете, это поможет Мише?

— Не знаю. Но ложная запись точно помогает тому, кто хочет сказать, что с ним уже разговаривали и всё было хорошо.

Наталья Алексеевна села на край стула.

— Он сегодня спросил, можно ли перейти в другую школу после четверти. До района автобус в шесть сорок. Вернётся затемно.

— Почему спросил?

— Не сказал. А я не стала давить.

— Правильно.

— Вы правда думаете, Егор ему угрожает?

— Я не могу обсуждать содержание обращения. Если Миша сообщит вам о новой угрозе или откажется уходить со взрослым, не оставляйте его одного и сразу зовите меня или службу.

— Тамара запретила вам встречаться с ним.

— Она ограничила незапланированные приёмы. Помочь ребёнку в текущей опасности не запретила и не может.

Наталья Алексеевна кивнула, но по её лицу было видно: различие звучит ясно только здесь, за закрытой дверью. В коридоре любой поступок придётся совершать без готовой

формулировки.

После её ухода Инна продолжила сверку. К двум часам стало ясно: из восемнадцати отмеченных бесед подтверждались десять. Одну она сначала не нашла, потом обнаружила бумажное согласие матери и собственные заметки на обороте анкеты. Семь оставались недостоверными.

Она составила перечень без содержания разговоров: фамилия, заявленный вид работы, фактически проведённое действие, источник проверки. Напротив каждого из семи написала: «индивидуальная беседа документально не подтверждена». Напротив Миши — «не проводилась; ребёнок отсутствовал».

Можно было смягчить итог: три малые группы, две консультации педагогов, одно наблюдение на уроке, один перенос. Всё это действительно делалось. Но в колонке отчёта стояло другое. Инна оставила формулировки как есть.

Перед тем как отнести перечень, она позвонила в районную службу по номеру из вчерашнего ответа. Специалист Светлана Игоревна сказала, что до Ольги дозвониться не удалось.

— Школа оспаривает мою профессиональную точность из-за недостоверного прошлогоднего отчёта, — сказала Инна. — Сообщаю это, чтобы вы не считали мою оценку единственным основанием. Письменная просьба ребёнка о прекращении поездок хранится в школе. Нынешние факты можно проверить отдельно.

— Вы отзываете обращение?

— Нет.

— Директор звонила. Сказала, конфликт возник после вашей личной ошибки и вы переносите ответственность на тренера.

Инна записала время звонка.

— Моя ошибка реальна. Она не создаёт и не отменяет просьбу ребёнка. Прошу поговорить с ним у независимого специалиста и не в присутствии Егора или директора.

— С законным представителем свяжемся повторно. До этого вы можете обеспечить отсутствие личных поездок?

— В школе — постараюсь. Вне школы решение принимает Ольга.

— Тогда фиксируйте только новые действия. Не расспрашивайте про старую аварию.

— Я и не планирую.

Инна положила трубку и увидела Мишу за стеклом двери. Он стоял так близко, что, вероятно, слышал её голос, но разобрать слова через толстое стекло не мог. Она открыла.

— Что случилось?

Он протянул телефон. На экране было сообщение от Егора: «Раз уж ты решил пропустить старт, занеси сегодня форму на базу. Не заставляй Олю отвечать за твои вещи».

— Когда пришло?

— Минуту назад.

— Ты отвечал?

— Нет. Форма дома.

— На базу один не иди. Покажи сообщение тёте. Форму можно передать через взрослого или позже, когда будет безопасно.

— Он написал про вещи. Это же не угроза.

— Само по себе — нет. Но это просьба прийти туда, где ты не хочешь оставаться с ним один. Ты можешь отказаться.

Миша убрал телефон.

— Тамара Викторовна сказала классу, что из-за ложных жалоб фонд может перестать оплачивать автобус на соревнования.

— Когда?

— Не классу. Она на перемене говорила Наталье Алексеевне, мы рядом были.

— Какие слова ты слышал точно?

Он поморщился.

— Вот поэтому я и не хотел приходить. Вы из каждого слова делаете бумагу.

— Не обязан повторять. Мне важно понять, есть ли новая угроза тебе сейчас.

— Нет. Все просто смотрят.

По коридору прошли двое семиклассников. Один поздоровался с Инной слишком громко. Миша отступил от двери.

— Я не пойду на базу, — сказал он. — Только тёте не звоните. Она после ночной спит.

— Хорошо. Если Егор приедет за тобой к школе, останься

внутри и обратиться к дежурному учителю.

— А если он не придет, вы опять напишете, что всё без-
опасно?

— Нет. Я напишу только, что он не приехал в конкретный
день.

Миша кивнул, будто это было не утешение, а наконец по-
нятное правило.

Инна зарегистрировала копию сообщения без телефона
подростка: он переслал снимок на школьную почту сам, по-
сле того как она объяснила, что увидит адресат. В служебной
записи она не назвала сообщение угрозой. Указала пригла-
шение прийти на базу и отказ Миши.

В четыре она отнесла Тамаре перечень семи неподтвер-
ждённых бесед.

Директор просмотрела первую страницу.

— Вы понимаете, что район теперь поставит под сомнение
весь годовой отчёт?

— Да.

— И премию снимут со всех, не только с вас.

— Решение о премии принимаю не я.

— Нет, Инна Сергеевна. Вы принимаете решения, а по-
следствия почему-то всегда принимают другие.

Инна могла напомнить, кто требовал закрыть отчёт пе-
ред проверкой. Помнила совещание, Тамарину фразу «мне
нужны цифры сегодня», общую торопливость, усталость. Но
подпись всё равно была её.

— За эти семь записей отвечаю я, — сказала она. — За просьбу Миши отвечает не отчёт. Её нужно рассмотреть отдельно.

— Отдельно уже не получится.

— Получится, если не использовать мою ошибку как ответ ребёнку.

Тамара положила перечень в папку.

— Завтра в девять комиссия. До её решения с Лапиным не разговариваете один на один.

— Если он окажется в непосредственной опасности, я помогу ему независимо от комиссии.

— Всё у вас опасность.

— Нет. Поэтому я записываю точные действия.

Инна вышла. В приёмной секретарь складывала документы в стопки. На верхнем листе Инна успела увидеть свою фамилию и слова «внушение ложных воспоминаний». Ниже стояла подпись Ольги Лапиной.

Она не остановилась и не стала читать через плечо. Попросила зарегистрировать свой перечень, получила номер и вернулась в кабинет.

За окном школьный автобус медленно выехал со двора. Миша сидел у прохода рядом с Натальей Алексеевной, хотя обычно ходил домой пешком. Учительница подняла ладонь. Инна ответила тем же.

Только после этого она открыла копию прошлого отчёта и провела красную линию через семь ложных отметок. Ис-

править уже отправленный документ этой линией было нельзя. Но теперь по крайней мере существовал другой лист, где ошибка называлась своим именем.

Внизу она написала: «Ответственность за недостоверную запись не является доказательством недостоверности последующего сообщения. Каждое утверждение проверять по собственному источнику».

Это была фраза для комиссии. И для неё самой.

Глава 6. Маршрут шесть лет назад

Комиссия собралась без Инны.

В девять утра дверь директорского кабинета закрылась, и через матовое стекло были видны четыре тёмных силуэта. Инна узнала Тамару, председателя профсоюза и методиста из района. Четвёртый человек сидел спиной. Приглашения ей не прислали.

В девять десять секретарь принесла уведомление: объяснения Инны приняты, дополнительные вопросы будут заданы после изучения документов. До этого времени ограничения на незапланированные приёмы сохраняются.

— Кто там? — спросила Инна.

— Комиссия.

— Фамилии членов указаны в приказе?

— Наверное.

— Можно копию приказа?

Людмила Андреевна поджала губы.

— Я уточню.

Она ушла. Копия до обеда не появилась.

Инна провела два плановых групповых занятия. У третьеклассников дети рисовали место, где можно успокоиться, и половина нарисовала комнаты с закрытыми дверями. Обычно она обсуждала с ними, чем одиночество отличается от безопасности. Сегодня ловила себя на том, что прислу-

шивается к шагам в коридоре.

Миша не приходил. Наталья Алексеевна передала, что он на уроках и после школы поедет домой на школьном автобусе. Новых сообщений от Егора не было.

В половине первого Инна открыла школьный сайт. В разделе «Документы» хранились отчёты за десять лет: планы воспитательной работы, результаты соревнований, фотографии праздников, приказы об изменениях расписания. Большая часть файлов называлась одинаково — «скан», «новый скан», «скан окончательный». Поиск по фамилиям не работал.

Она не искала подтверждение Мишиного рассказа. Если начать с желания доказать, что Егор был за рулём, любой совпавший час покажется уликой. Инна выписала четыре вопроса, на которые можно было ответить без слов подростка.

Когда произошла авария.

Как в тот день шёл школьный автобус.

Где официально находились участники школьных мероприятий.

Какие последствия аварии были зафиксированы тогда, а не сейчас.

Дата была известна всему посёлку. Шесть лет назад, двенадцатого декабря, на старой лесной дороге погиб водитель школьного автобуса Виктор Павлович Громов. В новостях писали, что после смены он взял машину знакомого, не справился с управлением у закрытого проезда и врезался в бе-

тонную опору. Владелец автомобиля в заметках не назывался.

Инна помнила траурную линейку. Громов возил детей почти двадцать лет. На фотографии у школьного входа стояли свечи в пластиковых стаканах, а ветер гасил крайние. Через неделю комбинат оплатил семье похороны. Ещё через месяц на школьном автобусе появилась табличка его имени.

На районном новостном сайте сохранилась короткая статья. «По предварительным данным, погибший управлял транспортным средством один». Слово «один» могло означать отсутствие пассажиров, а могло быть обычной формулой журналиста. Инна сохранила страницу в отдельную папку и подписала: «публикация, не первичный документ».

В школьном архиве приказов за тот декабрь не было. Секретарь сказала, что старые бумаги перенесли в подвальное помещение за актовым залом.

— Мне нужен приказ об автобусном маршруте двенадцатого декабря шесть лет назад, — сказала Инна.

Людмила Андреевна перестала раскладывать почту.

— Для чего?

— Проверяю открытые обстоятельства, не связанные с содержанием приёма.

— Тамара Викторовна запретила вам расследовать аварию.

— Покажите распоряжение.

— Она сказала устно.

— Мне запретили незапланированные встречи с Мишей.
С документами школы я работаю в пределах обязанностей.

— Приказ о маршруте — не документ психолога.

— Верно. Поэтому я прошу доступ, а не беру его сама.

Секретарь посмотрела на закрытую дверь директора. Соповещение продолжалось.

— Архив сегодня не открою. Ключ у Павла Ильича.

— Где он?

— В котельной. Или на складе. У него проверка.

Инна записала запрос на бумаге, указала дату и номер приказа, если тот известен, и попросила зарегистрировать. Людмила Андреевна долго читала две строки, потом поставила штамп.

— Вы теперь на всё входящий номер берёте?

— На то, что может исчезнуть из памяти.

В учительской Инна нашла старое расписание школьных автобусов на стенде за шкафом. Лист выцвел, но был составлен только три года назад. Маршрут номер два шёл от школы через Верхние Дачи, затем по центральной трассе к Лесному и обратно. Старый переезд находился в другой стороне.

Это ничего не доказывало. Маршрут мог измениться. Водитель после смены мог ехать куда угодно. Инна сфотографировала лист только как ориентир.

Учитель географии Николай Петрович ставил чайник у окна.

— Вы давно здесь работаете? — спросила Инна.

— Дольше шкафа. Шкаф с девяносто восьмого.

— Шесть лет назад автобус ходил через Верхние Дачи?

Он повернулся к ней с чайной ложкой в руке.

— Какой автобус?

— Школьный. В день гибели Виктора Павловича.

Ложка стукнула о край кружки.

— А тебе зачем?

— Хочу установить маршрут по документам. Спрашиваю, где искать.

— У диспетчера. Тогда диспетчером был твой отец.

Инна знала, что Сергей работал в котельной, но забыла, что школьные рейсы несколько лет согласовывали через общую посёлковую диспетчерскую. Комбинат давал топливо, школа — водителя, котельная держала единственную круглосуточную телефонную линию на случай поломки.

— Журналы сохранились?

— В котельной спроси. Только там начальник теперь Сазонов, без бумаги не пустит.

— А вы помните, менялся ли маршрут?

Николай Петрович налил воду и не ответил сразу.

— Был сильный снег. Верхнюю дорогу закрыли после обеда. Детей повезли через центральную.

— Откуда помните?

— Я с ними ехал. На Дачах жил. Нас высадили у магазина, дальше пошли пешком.

— Во сколько?

— Не помню. Темно уже было.

— Это был последний рейс Виктора Павловича?

— Нет. Последний делал сменщик. Витя утром пожаловался на тормоза, потом уехал в мастерскую.

Инна положила ручку.

— В статье написано, что после смены он был в машине знакомого.

— Значит, после смены. Я не часы.

— Могу записать, что вы помните закрытие дороги и поездку через центральную, но не точное время?

— Не надо меня никуда записывать.

— Хорошо.

Она не стала спорить. Разговор был подсказкой, не свидетельством. В блокноте написала: «Проверить приказ о закрытии Верхней дороги; слова Н. П. без согласия не использовать».

В два часа дверь директора открылась. Из кабинета вышли методист района, председатель профсоюза, школьный юрист и Тамара. Значит, четвёртым был юрист, которого оплачивал фонд Устиновых для нескольких учреждений посёлка.

Методист, сухая женщина с короткой стрижкой, подошла к Инне.

— Елена Михайловна, — представилась она. — Завтра возьмём у вас дополнительные объяснения. Сегодня передайте копии рабочих планов за прошлый год.

— Получу письменный перечень и передам.

— Вы затрудняете проверку?

— Нет. Хочу не передать лишние сведения о детях.

Юрист остановился рядом. На значке у него было название комбината.

— Комиссия действует на основании приказа директора,

— сказал он. — Все документы учреждения доступны комиссии.

— Тогда прошу включить в перечень конкретные документы и основание доступа к записям индивидуальных приёмов.

— Вам есть что скрывать?

— Да. Сведения детей, которые не относятся к моей отчётной ошибке.

Тамара отвела юриста в сторону. Елена Михайловна протянула Инне лист: планы, сводные отчёты, журнал регистрации обращений без содержания, должностная инструкция. Индивидуальные карты в списке не значились.

— Это передам сегодня, — сказала Инна.

Когда коридор опустел, Людмила Андреевна принесла ответ на запрос об архиве. Доступ разрешался в присутствии секретаря на следующий день с четырнадцати до пятнадцати. Инна поблагодарила.

— Там всё пыльное, — сказала секретарь. — Не найдёте вы один приказ.

— Возможно.

— И что тогда?

— Тогда не найду.

Людмила Андреевна, кажется, впервые за день посмотрела на неё без раздражения.

После работы Инна пошла не домой, а в посёлковую библиотеку. Там хранились подшивки районной газеты. Библиотекарь Зоя Семёновна знала Сергея и каждую весну приносила ему детективы, хотя он читал только последние двадцать страниц.

— Двенадцатое декабря шесть лет назад? — переспросила она. — Тогда неделю газету задержали из-за похорон.

Она вынесла две тяжёлые папки. Инна листала страницы в перчатках без пальцев: в читальном зале было прохладно. На первой полосе номера за пятнадцатое декабря стоял портрет Виктора Громова. В статье повторялась официальная версия: личная поездка после окончания школьного рейса, потеря управления, отсутствие других пострадавших.

На третьей полосе был отчёт о районном зимнем празднике. Под снимком детей с бумажными снежинками значилось: «Из-за снегопада команды Речного Бора не смогли прибыть, лыжные занятия отменены».

Инна задержала палец на строке. Если занятия отменили, почему прошлогодние журналы клуба, по словам Миши, могли показывать его присутствие? Пока она журналов не видела, а сам он о них не говорил. В плане эта связь существовала только как будущая проверка. Сейчас был один

факт: команда не приехала на праздник, занятия отменены.

— Можно копию страницы? — спросила она.

— На телефоне сфотографируй. Ксерокс полосит.

Инна сняла весь разворот, дату и номер выпуска. Потом нашла маленькую заметку дорожной службы: Верхняя дорога была закрыта с четырнадцати тридцати до следующего утра, транспорт направляли через центральную трассу. Старый лесной переезд не входил ни в основной путь, ни в объезд.

Это тоже ничего не доказывало о машине у переезда. Но уточняло порядок дня: школьный автобус сменил обычный маршрут из-за снега, водитель закончил рейс не там, где обычно.

— Ты дело расследуешь? — спросила Зоя Семёновна.

— Нет. Проверяю даты.

— Все теперь даты проверяют, когда хотят сказать про людей.

— Я пока ничего не говорю про людей.

Библиотекарь закрыла соседнюю папку.

— Правильно. Про Витю после смерти много говорили.

Он выпивал, значит, сам виноват. А кто видел — никто не признавался.

— Вы знали, что он выпивал в тот день?

— Я такого не сказала. Видишь, как быстро получается?

— Да.

Инна убрала телефон. Зоя Семёновна была права. Один

вопрос уже превратил общую молву в почти конкретное утверждение.

— Кто сообщил газете, что он был один? — спросила Инна.

— Полиция. У нас журналист тогда был молодой, сам к месту не ездил. Потом уехал в область.

— Имя помните?

— В газете подпись.

Под статьёй стояли инициалы М. Д. Корнев. Инна переписала их, не зная, пригодятся ли.

На улице стемнело. Она позвонила отцу и сказала, что задержится на двадцать минут. Сергей ответил, что Лида оставила запеканку и он способен пережить двадцать одну.

Котельная находилась за старой баней. Дежурный не пустил Инну дальше проходной, но вызвал начальника. Сазонов пришёл в ватнике, на котором белела цементная пыль.

— Журналы диспетчерской за тот год? — спросил он. — Если не списали, то в дальнем складе.

— Можно проверить?

— По какому основанию?

Инна показала удостоверение школы и объяснила, что ищет сведения о школьном маршруте. Про Мишу не сказала.

— Школа пусть запрос пришлёт.

— Директор может не отправить.

— Тогда районное управление. Я архив любому человеку не открою.

— Правильно. Скажите только, журнал вёлся каждый день?

— Смены, звонки, выезды аварийки. Школьный автобус отмечали, если менял путь или задерживался. Ваш отец писал подробно, остальные как попало.

— Срок хранения знаете?

— Пять лет для обычных. Но старые коробки никто не разбирал. После ремонта часть залило.

— Не выбрасывайте коробку за декабрь, пожалуйста. Я принесу официальный запрос.

— Если она есть, не выброшу. Больше обещать не буду.

На обратном пути Инна прошла мимо закрытого переезда. От котельной до него было десять минут пешком. За ржавым шлагбаумом дорога уходила между елями и упиралась в насыпь разобранной узкоколейки. Бетонную опору, о которую разбилась машина, убрали два года назад, когда прокладывали кабель. На её месте лежала куча щебня.

Инна не фотографировала. Современный пустырь не рассказывал, что случилось шесть лет назад.

У дома её ждал серый внедорожник.

Он стоял не у подъезда, а через дорогу, возле школьного стадиона. Двигатель работал, фары были выключены. Инна остановилась под фонарём. Номер она знала по вчерашней машине у базы — Егор Устинов.

Дверь водителя открылась. Егор вышел без шапки, застегнул куртку и перешёл дорогу.

— Добрый вечер, — сказал он. — Не пугайтесь.

— Тогда не ждите меня у дома в темноте.

— Я к Сергею Николаевичу.

— Зачем?

— Проведать. Мы давно знакомы.

Инна встала между ним и дорожкой к подъезду.

— Сегодня он гостей не принимает.

— Вы за него решаете?

— После инсульта поздние визиты согласуют заранее.

Егор посмотрел на окна второго этажа. На кухне горел свет, силуэт Сергея двигался за занавеской.

— Слышал, вы поднимаете старые бумаги, — сказал он.

— От кого?

— Посёлок маленький. Николай Петрович спросил у меня, зачем психологу автобусный маршрут.

— И зачем, по-вашему?

— Хотите построить историю вокруг мальчишеского страха. Но бумага не помнит снег. Люди тогда помогали друг другу, машины меняли, маршруты меняли. Через шесть лет всё можно сложить как угодно.

— Поэтому я и отделяю то, что записано тогда, от того, что люди вспоминают сейчас.

— А ребёнка от взрослых тоже отделяете?

— Если взрослый зовёт его одного туда, куда он боится идти, — да.

— Форма клуба принадлежит фонду. Я попросил вернуть.

— Её может передать Ольга или школа.

— Он не беспомощный.

— Именно. Поэтому может отказаться от встречи.

Егор сунул руки в карманы.

— Вы ведь понимаете, что он болеет этой историей не первый год? Ольга пыталась лечить, водила к вам. Вы тогда написали, что всё хорошо.

— Я написала то, чего не проверила.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Удобный ответ. Если ваша бумага мешает — она ложная. Если помогает — официальный документ.

— Мои старые записи не будут доказательством ни за, ни против него.

— Тогда зачем вам маршрут?

— Чтобы не задавать ребёнку вопросы, на которые можно ответить без него.

На лице Егора впервые появилось не раздражение, а короткая настороженность. Он сразу её спрятал.

— И что уже ответили бумаги?

— Я не обязана обсуждать с вами проверку.

— Проверку чего? Вы же не следователь.

— Верно.

— Тогда остановитесь, пока не сделали хуже всем.

— Кому именно?

— Мише. Ольге. Вашему отцу. Себе.

Он произнёс четыре имени одинаковым тоном, будто пе-

речислял пассажиров. Инна достала телефон и включила экран, но запись не запускала.

— Вы сейчас связываете мою работу с безопасностью отца?

— Я говорю, что у поступков есть последствия. Вам ли этого не знать.

— Больше не приходите к моему дому без приглашения и не обращайтесь к отцу по поводу Миши или моей работы.

— Я не называл Мишу при Сергее Николаевиче.

— И не называйте.

Егор отступил к дороге.

— Форму передайте до пятницы. У команды учёт.

Он вернулся к машине и уехал в сторону комбината. Инна записала время, номер автомобиля и точные фразы, которые могла восстановить. Слова «угроза отцу» не написала. Только: «Упомянул отца среди лиц, которым проверка может сделать хуже; на уточняющий вопрос прямой связи не подтвердил».

Сергей встретил её в прихожей.

— Это Егор был?

— Ты видел?

— Машину. Он чего хотел?

— Сказал, что проведать тебя.

— Врёт. Он меня после инсульта один раз видел, на празднике котельной.

Инна помогла отцу дойти до кухни. Запеканка остыла, но

была разрезана на две ровные части.

— Пап, мне нужен официальный запрос к старым диспетчерским журналам. Ты помнишь, что записывал двенадцатого декабря шесть лет назад?

Сергей взял вилку правой рукой и долго смотрел на тарелку.

— День Витькиной аварии.

— Да.

— Помню снег.

— Это помнят многие. Не старайся сейчас восстановить остальное. Мне важнее журнал.

— Я видел машину.

Инна не задала следующего вопроса. Он уже лежал на языке: чью, где, во сколько. Но память отца после инсульта иногда соединяла две поездки в одну. Если начать подсказывать место или имя, потом будет невозможно понять, что принадлежало ему.

— Не рассказывай пока, — сказала она.

Сергей обиделся.

— Думаешь, я ничего не помню?

— Думаю, твою память попытаются оспорить. Сначала найдём запись, сделанную в тот день. Потом ты расскажешь независимо от неё человеку, который проводит проверку.

— Я могу сейчас записать.

— Можешь. Сам, без моих вопросов. Укажи, в чём уверен, а в чём нет.

Он отодвинул тарелку. Инна принесла тетрадь и ручку. После инсульта Сергей писал правой рукой медленно, крупными печатными буквами. Она ушла в комнату, чтобы не смотреть через плечо.

Через пятнадцать минут он позвал её. На листе было четыре строки.

«Шёл снег. Верхнюю дорогу закрыли. После шести звонил школьный сменщик и сказал, что довёз последних. Позже видел тёмную машину Устиновых у лесного переезда. Кто был за рулём, не видел».

Ни Миши, ни Егора. Только машина семьи и место.

— В котором часу видел? — спросила Инна.

— Не знаю. После таблеток время путается.

— Таблетки ты начал пить после инсульта. Тогда их не было.

Сергей нахмурился, потом зачеркнул последнюю причину, которой на бумаге и не написал.

— Значит, просто не знаю.

— Так и оставим.

— Ты мне веришь?

— Верю, что ты это помнишь. Но проверять всё равно нужно.

Он кивнул. Для него это различие оказалось не оскорблением, а уважением.

Инна сфотографировала лист так, чтобы в кадр попали дата и вся страница, потом убрала тетрадь в ящик. Завтра

она запросит журнал через районное управление, не через Тамару. Если коробка сохранилась, запись покажет хотя бы время звонка сменщика и, возможно, сообщение о машине. Если не сохранилась, отцовское воспоминание останется воспоминанием — важным, но не превращённым родством в доказательство.

Перед сном пришло письмо от комиссии. На завтра её вызвали давать объяснения по жалобе Ольги Лапиной. В приложении была одна страница.

«Психолог внушает моему подопечному ложные воспоминания о трагическом событии, настраивает против тренера и пугает потерей моей работы».

Подпись Ольги стояла уверенно, без исправлений. Дата — сегодняшняя.

Инна перечитала последнюю часть. О потере работы первой заговорила сама Ольга. Миша говорил о последствиях для тёти. Инна, наоборот, отделяла страх от прямого условия. Теперь всё было переставлено местами так, что её осторожность выглядела источником угрозы.

Она не стала писать ответ ночью. Добавила к четырём вопросам пятый: «Кто и когда впервые назвал Мише конкретное последствие для работы Ольги?»

Рядом положила три найденных факта.

Верхняя дорога была закрыта.

Школьный рейс шёл по изменённому пути.

Лыжное мероприятие отменили.

Ни один из них не доказывал, кто сидел за рулём у переезда. Но вместе они уже показывали, почему старый день нельзя закрыть одной строчкой общего отчёта.

Глава 7. Тренировка в субботу

В пятницу утром снег лежал на школьном дворе ровным слоем, и только у главного входа его успели истоптать в серую кашу. Инна пришла за сорок минут до звонка. Она рассчитывала спокойно подготовить документы для комиссии, но на подоконнике возле кабинета уже сидел Миша.

На нём была клубная куртка — синяя, с белой полосой на рукаве. Молния расходилась у подбородка, будто он застегнул её на ходу. Рядом стоял длинный чехол с лыжами.

— Ты собираешься на тренировку?

Миша поднялся и протянул телефон.

— Он сказал, сегодня надо решить.

На экране было сообщение от Егора, отправленное в семь двенадцать.

«В субботу в 9 на базе. Приходи один, без тёти и школьных сопровождающих. Вернёшь форму, поговорим как взрослые. Чем дольше ты таскаешь старые истории по кабинетам, тем больше вопросов к Ольге на работе. Не заставляй её отвечать за твои выдумки».

Инна прочитала дважды. В предыдущих сообщениях Егор оставлял себе путь назад: форма, расписание, командные правила. Теперь он письменно связал старую историю с работой Ольги и потребовал прийти одному.

— Ты ответил?

— Нет.

— Покажи, от какого номера пришло.

Миша коснулся имени. Номер совпадал с тем, который был указан на странице клуба и с которого Егор звонил ему в кабинете. Инна не стала забирать телефон. Она попросила разрешения сфотографировать экран так, чтобы были видны номер, дата и вся переписка вокруг сообщения.

— А если я просто не пойду, он придёт к тёте, — сказал Миша.

— Он так написал?

— Нет. Он всегда приходит сам, если ему не отвечают.

— Всегда — это сколько раз?

Миша посмотрел на дверь кабинета.

— Три. Может, четыре.

— За какой срок?

— С осени.

Инна открыла кабинет и оставила дверь распахнутой. Тамара запретила незапланированные индивидуальные встречи, а превращать коридор в место разговора о безопасности было нельзя. Инна позвонила классному руководителю и попросила подойти. В ожидании они с Мишей стояли у порога, не заходя дальше.

— Ты сейчас боишься идти в класс? — спросила она.

— Нет.

— Боишься, что Егор приедет в школу сегодня?

— Он и так приедет. У младших выдача инвентаря.

— Он должен встречаться с тобой?

— По расписанию — нет.

— Если он подойдёт, ты можешь не разговаривать и идти к любому взрослому. Не только ко мне. К Марине Алексеевне, к Ларисе Ивановне, к дежурному учителю.

Миша покачал головой.

— Вы все потом пишете бумаги. А домой всё равно идти мне.

Это было не возражение, а точное описание его положения. После последнего звонка взрослые расходились по кабинетам и квартирам, а дорога Миши проходила мимо магазина фонда, остановки комбината и поворота к лыжной базе.

Пришла Марина Алексеевна, запыхавшаяся, с классным журналом под мышкой. Инна сказала только необходимое: ученик получил от взрослого руководителя требование прийти одному и упоминание возможных последствий для опекуна. Нужен безопасный порядок на сегодня и субботу. Про аварию, прежний рассказ и содержание приёма она не сказала.

— Тамара Викторовна должна знать, — решила учительница.

— О текущем сообщении — да. Сначала я отправлю его в районную службу, куда уже подано обращение.

— А Ольга?

— Она законный представитель. Ей тоже нужно сообщить. Желательно при специалисте службы, потому что в

жалобе она считает источником давления меня.

Миша перехватил ремень чехла.

— Если вы ей покажете, она скажет, что он хотел помочь.

— Возможно. Но это не отменит текста сообщения.

— Отменит. Здесь всё так отменяется.

Марина Алексеевна хотела возразить, но промолчала.

Инна попросила Мишу переслать сообщение на официальный адрес районной службы прямо со своего телефона. Он долго смотрел на кнопку отправки.

— Тогда это уже не забрать?

— Можно попросить прекратить проверку, но полученное сообщение останется у службы. Я не буду говорить, что его можно стереть отовсюду.

— А если не отправлять?

— Я сама сообщу о том, что увидела. Ты показал его, потому что хотел помощи с субботой. Я обязана отнестись к этому серьёзно.

— Значит, выбора нет.

— Выбор есть в том, будешь ли ты сам пересылать и добавишь ли свои слова. Моя обязанность от твоего выбора не исчезает.

Миша убрал телефон в карман.

— Тогда отправляйте вы.

Инна кивнула. Это не было отказом от помощи. Он оставлял взрослому взрослою ответственность.

До первого урока Инна составила дополнение к обраще-

нию. Она переписала сообщение дословно, указала номер, время и обстоятельства, при которых увидела его. Отдельной строкой отметила: подросток не дал согласия на пересылку полной переписки, фотография хранится у неё как подтверждение текущего риска, а сведения о старом событии в дополнение не включены. Просьбы было три: исключить встречу один на один в субботу, определить взрослого для безопасного сопровождения после школы и связаться с Ольгой без передачи лишних сведений.

Она перечитала текст, вычеркнула слово «шантаж». В сообщении был нажим и связь с работой тёти, но правовую оценку должна была давать не она.

Письмо ушло в восемь двадцать одну. В восемь двадцать четыре из канцелярии позвонила Тамара.

— Зайдите немедленно.

На столе директора лежала распечатка вчерашней жалобы Ольги. Рядом сидела Елена Михайловна из районной комиссии. Юрист фонда не пришёл.

— До объяснений один вопрос, — сказала Тамара. — Вы сегодня снова беседовали с Лапиным без разрешения?

— Он ждал у моего кабинета и показал сообщение, связанное с его безопасностью. Разговор проходил при открытой двери, затем в присутствии классного руководителя.

— Вы способны выполнить прямое распоряжение?

— Распоряжение запрещало незапланированные индивидуальные встречи. Оно не может запрещать принять сооб-

щение о возможном риске.

Елена Михайловна подняла ладонь.

— Что за сообщение?

Инна положила перед ней копию дополнения без фотографии телефона.

Тамара читала стоя. На фразе о работе Ольги её щека дёрнулась.

— Это обычный разговор тренера с воспитанником. Форма принадлежит клубу. Ольгу никто не увольняет.

— Тогда зачем её работа упомянута в требовании прийти одному?

— Вы вырываете слова. Егор мог иметь в виду жалобы Ольги, её состояние, сплетни в амбулатории.

— Поэтому я передала точный текст без своей оценки.

— Фотография есть? — спросила Елена Михайловна.

— Есть.

— Покажите.

Инна открыла снимок на своём телефоне. Методист сверила номер и дату, попросила приблизить начало переписки. Там были короткие сообщения о тренировках, времени сбора, мази для лыж и возврате формы. Инна не листала дальше того места, которое видел Миша утром.

— Отправьте мне, — сказала Елена Михайловна.

— По защищённому адресу службы и только для оценки текущего риска. В материалы проверки моей отчётности прошу не копировать всю переписку.

Тамара усмехнулась.

— Вы уже ставите условия комиссии?

— Я разделяю два дела. В одном проверяют мои ложные отметки. В другом взрослый требует от подростка прийти одному и упоминает работу опекуна.

Елена Михайловна записала адрес на обороте листа.

— Я свяжусь со службой. До решения мальчик на базу не идёт.

— Вы не можете отменить тренировку районной бумажкой, — сказала Тамара. — Клуб не школьный.

— Я могу рекомендовать законному представителю не отправлять ребёнка на личную встречу до оценки. А школа может не передавать его сотруднику клуба со своей территории.

— Никто его не передаёт. Он ходит сам.

Инна посмотрела в окно. За стадионом двигался школьный трактор, отбрасывая снег к ограде. От калитки начиналась общая дорога. Формально школа отвечала за Мишу до конца занятий. Дальше оставались рекомендации и взрослые, которые могли их выполнить или проигнорировать.

— Нужно договориться, кто встретит его после уроков, — сказала она.

— Тётя, — отрезала Тамара. — Не вы.

— Согласна.

Директор ожидала спора и на секунду растерялась.

Объяснения по старым отчётам заняли почти час. Инна перечислила семь неподтверждённых бесед, назвала способ,

которым заполняла сводный лист, и отказалась связывать нарушение с тем, правду ли говорит Миша сейчас. Елена Михайловна несколько раз возвращалась к одному вопросу: почему Инна признала ошибку только после конфликта с директором.

— Потому что только тогда подняла первичные записи, — отвечала Инна. — До этого считала групповые занятия достаточным основанием. Это было неправильно и тогда, не только теперь.

— Вам никто не указывал на неточность?

— Нет.

— Значит, если бы жалобы не было, вы бы не исправили отчёт?

— Вероятно, не исправила бы. Я не хочу изображать, что собиралась сделать это заранее.

Тамара перестала постукивать ручкой. Честный ответ не помогал Инне, но отнимал у директора возможность разоблачить оправдание.

Когда объяснения закончились, на телефоне Елены Михайловны было три пропущенных вызова. Она вышла в коридор и вернулась через пять минут.

— Служба назначила выезд сегодня после обеда. До него никаких встреч Лапина с Устиновым. Ольгу вызовут сюда.

— Егор занят с младшими на школьном стадионе, — сказала Тамара. — Вы предлагаете выгнать тренера при детях?

— Я предлагаю исключить контакт с одним ребёнком.

Остальное решает школа в пределах договора.

Тамара посмотрела на часы.

— Инвентарь привезут через двадцать минут.

Инна вышла из кабинета вместе с методистом. В коридоре Елена Михайловна остановилась.

— Вы понимаете, что сообщение не подтверждает старую историю?

— Да.

— И что жалоба на вас остаётся?

— Да.

— Тогда почему в вашем дополнении написано «старое событие»? Это уже наводка.

— Потому что сам отправитель написал «старые истории». Я не раскрывала, какие.

Методист поджала губы, затем кивнула.

— Хорошо. Но держитесь точных слов. Здесь все будут пытаться заставить вас сказать больше, чем вы знаете.

Инна едва не ответила, что именно это она и делает. Но совет был справедливым, даже если прозвучал запоздало.

К десяти во двор въехал микроавтобус клуба. Из него выгрузили пластиковые ящики, палки и связки детских лыж. Егор командовал двумя старшеклассниками, будто утреннего сообщения не существовало. Он увидел Инну в окне первого этажа и поднял руку в приветствии.

На перемене Миша спустился в столовую. Егор стоял у стеклянной двери, за которой начинался переход в спортив-

ный зал. Он не загораживал дорогу и не звал мальчика. Просто ждал так, чтобы тот его заметил.

Инна была в другом конце коридора вместе с дежурной учительницей. Подходить первой означало устроить сцену, в которой Миша снова стал бы предметом спора взрослых. Она сказала дежурной:

— Если тренер обратится к Лапину, пожалуйста, оставайтесь рядом и позовите директора.

— А что случилось?

— До решения службы они не должны разговаривать наедине.

— Тамара Викторовна знает?

— Знает.

Миша прошёл мимо стеклянной двери, глядя перед собой. Егор постучал костяшкой по стеклу. Мальчик остановился.

— Форма, — сказал Егор через приоткрытую дверь. — Положи в ящик и свободен.

Миша снял куртку. Под ней была школьная рубашка. Он сложил синюю ткань неаккуратно и сунул в верхний ящик.

— Лыжи тоже клубные, — сказал Егор.

Миша молча вернулся к стене, взял чехол и положил рядом.

— В субботу разговор никто не отменял.

Дежурная учительница подошла ближе.

— Егор Андреевич, районная служба просила пока не на-

значать личных встреч.

— Я назначил командную тренировку. Если человек выходит из команды, он объясняет причину.

— Причину можно сообщить через опекуна.

— А вы теперь его опекун?

Он говорил спокойно, почти доброжелательно. Дети у столовой замедлили шаг. Инна увидела, как Миша втянул голову в плечи.

— Иди на урок, — сказала она ему.

Егор повернулся к ней.

— Я с вами не разговариваю.

— Хорошо.

Инна не добавила ни слова. Миша ушёл по коридору. Дежурная записала время и фразы в журнал происшествий. Егор забрал ящик, а через минуту уже шутил с младшими у раздевалки.

В двенадцать позвонила Ольга.

— Вы добились, — сказала она без приветствия. — Меня снимают со смены и вызывают в школу.

— Кто снимает?

— Старшая медсестра. Потому что ваша районная дама хочет говорить сегодня.

— Это перенос смены или наказание?

— Какая разница? За меня некому выйти.

— Разница есть. Могу попросить службу приехать в амбулаторию или назначить время после смены.

— Не делайте больше ничего для моего удобства.

— Ольга, Миша получил сообщение от Егора. Там прямо упомянута ваша работа.

На другом конце стало тихо. Инна слышала, как хлопнула дверь и кто-то спросил про ключи от процедурной.

— Что именно написано?

Инна прочитала сообщение дословно.

— Он не угрожает, — быстро сказала Ольга. — Он предупреждает. Из-за ваших бумаг теперь по амбулатории ходят разговоры.

— Почему Миша должен прийти один, чтобы обсудить разговоры в амбулатории?

— Потому что ему пятнадцать и он сам всё начал.

— Он несовершеннолетний. И он просил не встречаться с Егором один на один.

— После ваших вопросов попросил.

— Эта просьба написана им. Я не буду спорить о её происхождении по телефону. Скажите главное: вы разрешаете ему идти завтра на базу одному?

Ольга долго не отвечала.

— Нет, — сказала она наконец. — Но не потому, что Егор опасен. Потому что теперь любой разговор перевернут.

— Я зафиксирую только ваш отказ от личной встречи.

— Вы всё фиксируете.

Связь оборвалась.

После последнего урока приехали две сотрудницы район-

ной службы: молодая Наталья в короткой дублёнке и Вера Павловна, которую Инна знала по совещаниям. Они говорили с Тамарой, затем отдельно с Ольгой. Мишу вызвали из класса, но Вера Павловна сначала спросила, готов ли он войти без тёти. Он отказался. Тогда разговор перенесли в библиотеку, где Ольга села рядом с ним, а Инна осталась в коридоре.

Тамара прошла мимо дважды. Во второй раз остановилась.

— Довольны?

— Нет.

— Район, комиссия, служба. Из-за одного сообщения.

— Из-за требования прийти одному после просьбы не назначать таких встреч.

— Вы сделали эту просьбу за него.

— Нет.

— Докажите.

Инна посмотрела на закрытую дверь библиотеки.

— Я не стану доказывать это пересказом приёма в коридоре.

— Значит, нам остаётся верить вам. Специалисту, который семь раз написал неправду.

— Не остаётся. Просьба Миши есть на бумаге. Её можно проверить у него без подсказки с моей стороны.

— Вы уже подсказали всё, что хотели.

Тамара ушла. Её слова попадали точно в слабое место: в

работе психолога многие вещи действительно нельзя показать постороннему так же просто, как ведомость или видеозапись. А Инна сама сделала доверие к своим записям менее прочным. Это не превращало сообщение Егора в обычное. Но и не исчезало оттого, что директор использовала нарушение как оружие.

Дверь библиотеки открылась через сорок минут. Миша вышел первым. Ольга держала сумку обеими руками, будто внутри лежало что-то тяжёлое и хрупкое.

— Домой пойдём вместе, — сказала она племяннику.

Он кивнул.

Вера Павловна попросила Инну задержаться. В библиотеке ещё пахло мокрыми пальто. На столе лежал чистый лист, на котором Миша нарисовал несколько параллельных линий.

— На субботу договорились, — сказала Вера Павловна. — На базу он не идёт. Ольга подтверждает. Сегодня она встречает его и в понедельник приводит сама. Школа не сообщает Егору расписание мальчика и не передаёт ему никакие документы.

— А после понедельника?

— Проведём оценку и составим временный порядок. Прямой опасности для изъятия из семьи мы не видим.

— Я такого и не просила.

— Знаю. Ольга решила, что просили.

— Сообщение Егора вы сохранили?

— Да. Он уже дал объяснение по телефону. Сказал, что имел в виду репутационные последствия сплетен для всей семьи, а прийти одному просил, чтобы не унижать подростка разговором при тёте.

— Миша просил обратного.

— Это тоже записано.

Наталья закрыла папку.

— Нам нужна история аварии, чтобы понять степень риска.

— Для запрета личной встречи достаточно нынешнего общения и просьбы подростка.

— Для одной субботы — возможно. Для длительных мер нужно знать, чего он боится.

— Тогда спрашивайте у него, готов ли он рассказать независимому специалисту. Я не дам полную запись приёма без отдельного основания.

— Вы защищаете тайну или себя?

Вопрос прозвучал без обвинения, и от этого ответить было труднее.

— И то и другое может совпадать, — сказала Инна. — Поэтому прошу, чтобы решение принимала не я. Но содержание, которое не нужно для сегодняшней безопасности, нельзя раскрывать только потому, что мне так легче доказать свою правоту.

Вера Павловна посмотрела на рисунок из линий.

— В понедельник приедет психолог из района. Не из фон-

да. Предложим Мише разговор. Если откажется, не заставим.

— Спасибо.

— Благодарить рано. Ваша комиссия идёт отдельно.

— Я понимаю.

На крыльце Ольга застёгивала Мише старую зелёную куртку. Клубную он вернул, а запасной одежды не взял. Рукава были коротки, из-под них торчали голые запястья.

Инна хотела предложить перчатки из кабинета, но остановилась. Любая помощь теперь могла показаться попыткой купить доверие. Тогда она спросила у Ольги:

— Вы доберётесь сами?

— Автобус через восемь минут.

— Я могу попросить дежурного подождать с вами у ворот.

— Мы не арестанты.

— Хорошо.

Миша посмотрел на Инну.

— Он всё равно приедет, — сказал он.

Ольга сжала его плечо.

— Не каркай.

— Если приедет, не выходите к нему, — сказала Инна. — Звоните в службу или в полицию, если он не уедет. Номер службы у вас есть.

— Есть, — ответила Ольга. — Благодаря вам теперь много номеров.

Они пошли к остановке. Инна осталась на крыльце, пока

не увидела, как оба вошли в автобус. Серого внедорожника рядом не было.

Вечером она заносила документы комиссии в запираемый шкаф, когда телефон коротко завибрировал. Сообщение пришло с неизвестного номера.

«Вы запретили мне прийти. Он сказал, тогда придёт сам. Тётя не знает. Не звоните ей сейчас, она отберёт телефон».

Через несколько секунд появилось второе.

«Это Миша. Старый номер он проверяет».

Инна не стала спрашивать, откуда новый телефон, и не написала, чтобы Миша ждал её. Она ответила одной фразой: «Если он уже рядом — иди к тёте, не открывай дверь и звони 112. Я сообщаю службе».

Затем позвонила Вере Павловне и прочитала оба сообщения дословно. Та сказала, что свяжется с Ольгой сама и направит участкового проверить адрес. Инна попросила сообщить результат, но не поехала к дому Лапиных. Её присутствие только смешало бы помощь, проверку и личное столкновение.

Через двадцать семь минут Вера Павловна перезвонила.

— У дома никого. Ольга с мальчиком внутри. Егор утверждает, что находится на базе и никуда не собирался. Участковый проедет мимо ещё раз.

— Миша показал ей сообщение?

— Нет. Боится, что она заберёт телефон. Я сказала Ольге только о возможном визите и попросила не открывать. Она

сердится, но согласилась.

— Можно организовать дежурный контакт на ночь?

— Наш номер работает круглосуточно. Прямых оснований для другого места сейчас нет.

Инна поблагодарила и записала время звонка. Незвестный номер больше не отвечал.

Она закрыла кабинет, проверила окно и вышла через главный вход. На площади включали гирлянду к зимнему празднику. Рабочие комбината стояли на стремянках, дети ждали, когда загорится высокая ель. На плакате у сцены было написано, что праздник подарен семьёй Устиновых.

Инна прошла мимо. Егор мог действительно не собираться к дому Лапиных. Он мог сказать фразу, которую Миша понял как обещание визита. Мог передумать после звонка службы. Любая из версий оставляла подростка в одном и том же положении: он угадывал, станет ли взрослый выполнять угрозу, и отвечал за последствия для тёти.

У подъезда Инна остановилась и осмотрела дорогу. Машин не было. В кухонном окне Сергей поднял руку, заметив её под фонарём.

Она поднялась домой и сразу сказала отцу:

— Сегодня никому не открывай, если не знаешь, кто пришёл.

— Егор?

— Не знаю. Это обычная осторожность.

— Когда люди говорят «обычная осторожность», значит,

обычное уже кончилось.

Инна сняла пальто. Сергей сидел за столом с тетрадью, в которой вчера записал машину у переезда. Рядом лежал листок с номером котельной.

— Сазонов звонил, — сказал он. — Нашёл коробку за тот декабрь. Нижний край мокрый, но журналы есть. Без запроса не отдаст.

— И правильно.

— Ты запрос отправила?

— Район обещал зарегистрировать сегодня.

Сергей закрыл тетрадь.

— Значит, завтра база, в понедельник журнал?

— Завтра базы не будет. По крайней мере, для Миши.

— А для тебя?

Инна посмотрела на телефон. Новый номер молчал.

— Для меня тоже. Я не пойду проверять, пришёл ли он. Мальчик не будет приманкой, а я не буду караулить возле него ради доказательства.

Она произнесла это и поняла, насколько заманчивым был другой выбор. Один снимок машины у дома Лапиных, одна запись разговора на базе могли бы сделать давление очевидным. Комиссии стало бы труднее называть всё внушением. Но для такого доказательства нужно было оставить Мишу в точке, куда его требовали привести одного.

Инна открыла журнал и внесла только то, что произошло: письменное требование Егора, обращение службы, от-

каз Ольги от субботней встречи, два сообщения с нового номера, проверка адреса участковым. Не написала, что Егор собирался приехать. Не написала, что Миша ошибся. Между этими двумя версиями оставалось место, в котором пока можно было обеспечить безопасность, не объявляя догадку фактом.

В субботу в девять утра Инна сидела дома у окна. Снегопад скрыл стадион, и от школьной ограды осталась тёмная линия. На телефоне не было ни одного сообщения от Миши.

В девять семнадцать позвонила Вера Павловна.

— Всё спокойно. Ольга дома, мальчик дома. Егор на базе ведёт общую тренировку. Участковый заезжал и туда.

Инна выдохнула только после этих слов.

— Спасибо.

— Не считайте вопрос закрытым. В понедельник разберём порядок контактов.

— Не считаю.

Она положила телефон экраном вниз. Сергей включил радио погромче, но через минуту убавил: диктор рассказывал о районных лыжных соревнованиях.

Миша не пришёл на тренировку. Ничего страшного в эту субботу не случилось. Именно поэтому со стороны всё могло показаться лишней тревогой: несколько писем, выезд службы, участковый, отменённая встреча.

Инна знала цену такому впечатлению. Когда мера безопасности срабатывает, опасность не обязана явиться и под-

твердить, что мера была нужна.

Глава 8. Минимум сведений

В понедельник Инну встретил на вахте лист с новой печатью.

«До окончания служебной проверки все исходящие обращения по вопросам безопасности обучающихся согласовывать с директором».

Под распоряжением стояла подпись Тамары и сегодняшняя дата. Вахтёрша Валентина Семёновна попросила расписаться в ознакомлении и виновато отвернулась, будто сама придумала приказ.

Инна прочитала текст ещё раз.

— Копию можно?

— Людмила Андреевна сказала не снимать со стенда.

— Я сфотографирую.

— Мне потом попадёт.

Инна переписала номер и расписалась. Фотографировать при вахтёрше не стала. Распоряжение было сформулировано широко: под «исходящим обращением» можно было понимать и отчёт о драке, и вызов скорой, и сообщение о ребёнке, которого взрослый требует привести одного. Ждать согласования директора в случае риска Инна не собиралась. Но сначала следовало получить письменное разъяснение, а не спорить с листом у входа.

Возле кабинета её ждали Вера Павловна и незнакомая

женщина лет сорока в светлом пуховике. Женщина представилась Светланой Руденко, психологом районного центра.

— Я приехала поговорить с Михаилом, если он согласится, — сказала она. — До разговора хочу увидеть ваше сообщение о текущей ситуации. Не карту приёма.

Это уточнение Инна оценила больше, чем обещание независимости.

Она провела их в кабинет и достала отдельную папку. В ней лежали четыре документа: первая записка о нежелательных поездках и встречах, письменная просьба Миши, дополнение с сообщением Егора и отметки о пятничной проверке адреса. Ни конспекта рассказа об аварии, ни карты приёма в папке не было.

Светлана прочитала всё по порядку.

— Почему здесь написано, что он боится поездок со взрослым, но не объяснено почему?

— Потому что для временного запрета личных встреч достаточно его просьбы и нынешнего давления. Причина включает сведения, которые он доверил на приём.

— Он говорил о насилии?

— Я не могу отвечать вопросами, которые постепенно раскроют содержание. Я оценила необходимость немедленного вмешательства по тому, что было сказано и что происходило после.

— Угроза жизни?

— Непосредственной угрозы жизни он не называл.

— Физическое воздействие?

Инна закрыла папку.

— Светлана, вы можете спросить его сами, если он согласится на беседу. Я передала то, что необходимо для сегодняшнего решения: взрослый вызывает его одного, связывает молчание с работой опекуна и продолжает контакт после отказа.

Светлана не обиделась.

— Хорошо. Мне важно понять вашу границу.

— Она не мешает вам оценить риск независимо.

— Может помешать, если он промолчит.

— Тогда отсутствие рассказа не станет доказательством безопасности.

Вера Павловна забрала папку, чтобы сделать копии на школьном аппарате. Через минуту вернулась без них.

— Директор запретила копировать документы без её визы.

Инна показала номер распоряжения со стенда.

— Оно касается исходящих обращений, не работы районной службы.

— Людмила Андреевна аппарат не включает.

Светлана достала телефон.

— С разрешения автора документов сниму страницы сама.

Инна разрешила. Они разложили листы на столе и фотографировали каждый рядом с линейкой, чтобы края не об-

резались. Эта простая работа неожиданно казалась нарушением осады.

В половине девятого Ольга привела Мишу. Она вошла в школу вместе с ним, хотя опаздывала в амбулаторию. Увидев Светлану, потребовала показать удостоверение, записала фамилию и номер центра.

— Разговор только при мне, — сказала она.

— Михаил может выбрать, — ответила Светлана. — С вами, без вас или вообще не сегодня.

— Ему пятнадцать.

— Поэтому вы участвуете в решениях. Но безопаснее сначала спросить его самого.

Миша стоял у окна и смотрел на школьный двор.

— Я не буду рассказывать про аварию, — сказал он.

Ольга резко повернулась к нему.

— Какую ещё аварию?

Слова уже прозвучали. Инна почувствовала, как все в коридоре замерли, словно кто-то уронил стекло. Она не вмешалась и не попыталась поправить Мишу.

— Я могу не отвечать? — спросил он у Светланы.

— Можешь. Мы поговорим только о том, что происходит сейчас. Если захочешь остановиться, скажешь.

— Тогда без неё.

Ольга побледнела.

— Я твой опекун.

— Поэтому я с тобой домой пойду. А говорить буду без

тебя.

Светлана предложила Ольге ждать в кабинете завуча. Разговор решили провести в библиотеке: кабинет Инны мог напоминать Мише первый приём, а Светлане было важно не присваивать чужое место и чужие записи.

Когда дверь закрылась, Ольга подошла к Инне.

— Вы всё-таки рассказали ему про аварию как про правду.

— Он сам употребил это слово.

— После ваших встреч.

— Первая встреча началась с его слов.

— Удобно. Никто не слышал.

— Да. Поэтому я не требую верить мне в старом событии. Сейчас есть сообщение Егора, которое можете прочитать вы.

Ольга отступила, будто Инна протянула ей что-то грязное.

— Я читала. Он не должен был писать про работу. Но вы не знаете, сколько он для нас сделал.

— Сделанная помощь не даёт права вызывать Мишу одного после отказа.

— А ваш диплом даёт право развалить ему жизнь?

Инна не ответила. Вопрос был поставлен так, что любой ответ звучал бы оправданием.

Через сорок минут Светлана вышла вместе с Мишей. Он выглядел усталым, но не испуганным.

— Я пойду на урок, — сказал он.

— Подожди, — потребовала Ольга. — О чём вы говори-

ли?

— О субботе.

— И всё?

— Всё, что он решил сообщить, останется в пределах оценки безопасности, — сказала Светлана. — Вам я сейчас объясню рекомендации.

Миша ушёл. Инна увидела, что нового телефона у него в руках нет.

Светлана изложила решение простыми пунктами. На две недели Егор не встречается с Мишей без Ольги или назначенного службой взрослого. Школа не передаёт тренеру расписание, адресные данные и сведения о посещениях. Миша временно не участвует в клубе и возвращается домой маршрутом, который согласуют с тётей. Если Егор пишет или приезжает, Ольга сохраняет сообщения и звонит службе. Старое событие в решение не включается.

— То есть вы поверили ему, — сказала Ольга.

— Я оценила нынешнюю ситуацию. Для этих мер не требуется установить, что произошло шесть лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.